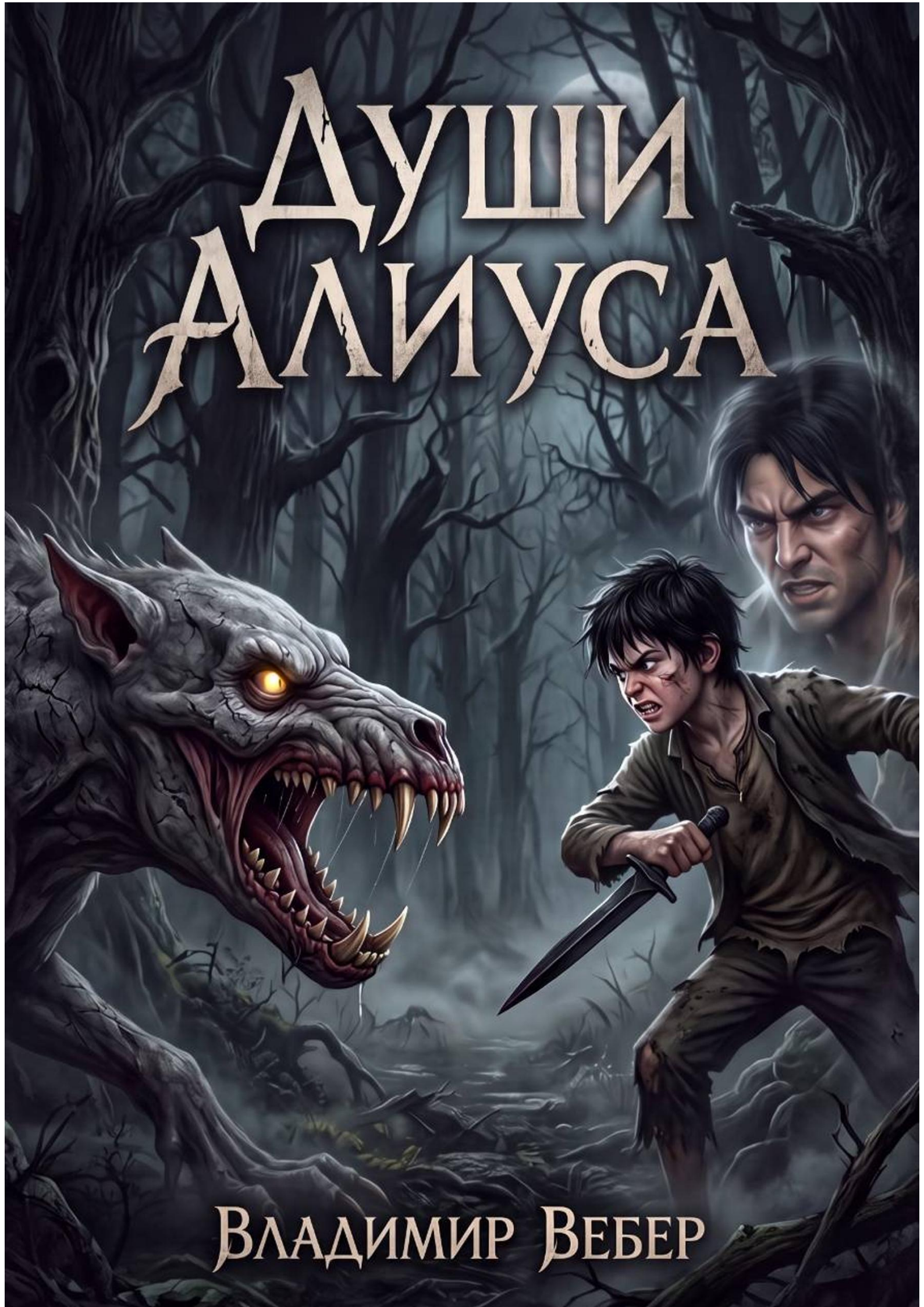

Души Алиуса

ВЛАДИМИР ВЕБЕР

Вебер Владимир

Души Алиуса

«Автор»

2026

Владимир В.

Души Алиуса / В. Владимир — «Автор», 2026

Что чувствует человек, потерявший всё? Артём знает ответ: бездну. Вырванный из объятий жены и сына, он очнулся в камере и осознаёт, что заперт в теле мальчика — истерзанного, но всё ещё живого. За тёмным коридором нелюди пытаются и убивают — и их смех впивается в душу так же, как и крики жертв. А впереди — проклятый лес Алиус, полный чудовищ, и чужаки, которым не стоит доверять. Как вернуться к семье — ответов нет. Лишь таинственная пластина на его руке способна дать подсказку. Но сможет ли он выполнить те условия, что на ней начертаны, — и после этого остаться собой?

© Владимир В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прекрасный день	5
Глава 2. Счастливый вечер	14
Глава 3. Вор судьбы	23
Глава 4. Темницы тьмы	29
Глава 5. Беспомощный наблюдатель	33
Глава 6. Воля человека	39
Глава 7. Логово зла	47
Глава 8. Часть мёртвых	55
Глава 9. Двадцать шагов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вебер Владимир

Души Алиуса

Глава 1. Прекрасный день

Затяжная и холодная зима отступала, и было интересно наблюдать, как изо дня в день жадное солнце хотело прогрызть ледяную корку и впитаться всеми своими лучами в промёрзшее тело земли, поделиться своим теплом, вдохнуть жизнь в казавшееся мёртвым вспаханное по осени поле.

В своём упорном наступлении небесное светило действовало расчётливо и методично. Поначалу оно попыталось одним могучим натиском растопить искрящееся снежное покрывало, но, встретив стойкое сопротивление, отступило, чтобы завтра начать планомерную осаду. С новым рассветом его лик вновь воссиял над белоснежными просторами. Казалось, сама земля, истосковавшаяся по теплу, говорила: «Вот и подошло время, пора в очередной раз запустить извечный круговорот жизни». И светило, воодушевлённое этим безмолвным призывом, с удвоенной энергией продолжило свой натиск.

По мере восхождения в зенит жар его лучей становился всё яростнее, но и снежный покров не сдавался без боя. Ослепительно-белая гладь отражала солнечные стрелы, словно приговаривая: «Рано ещё, не пришёл мой срок!». Тогда лучи, подобно опытным разведчикам, устремились на поиск слабых мест – там, где весенний ветер припорошил снег дорожной пылью. В этих тёмных проплешинах они разжигали крошечные костры, перед жаром которых не могли устоять даже самые прочные ледяные кристаллы, переходя в другое агрегатное состояние.

Первыми вестниками начала конца зимы служили чернеющие проталины на полях. С каждым днём эти островки пробуждения множились и разрастались, словно чернильные пятна на белом листе, пока память о снежном царстве не сохранилась лишь в тенистых придорожных сугробах. Но даже достигнув явного превосходства, весеннее солнце не ослабляло своего натиска. Настойчиво и методично оно продолжало прогревать каждый сантиметр почвы, посылая восточку всему живому: закончились холод и голод, пришло время пробуждаться ото сна.

Зимнее затишье подошло к концу не только для природы, но и для хранителей полей – агрономов. Ведь, закончив осеннюю уборку, проведя все необходимые агрооперации, такие как внесение удобрений, дискование, вспашка, и законсервировав всю технику, работник сельского хозяйства в наших краях наконец-то мог позволить себе долгожданную передышку. Зимой, когда поля укрыты снежным покрывалом, появлялась возможность наверстать упущенное: разобраться с накопившимися делами, подарить время любимой семье, привести в порядок раскочавшиеся нервы от бесконечных переработок, погони за ускользающими сроками и неизбежного вдыхания пестицидов во время обработок.

В минуты домашнего уюта, нежась в тёплой ванне, невольно усмехаешься, глядя на свой причудливый агрономический загар: смуглое, обветренное лицо, загорелые шея и руки контрастируют с белизной остального тела, укрытого в течение сезона надёжной бронёй из рубашки и джинсов. словно два разных человека встретились в одном отражении – закалённый солнцем труженик полей и бледнокожий аристократ, не познавший на себе ярость ультрафиолета.

И вот наступила пора рабочего сезона. Разъезжая каждый день по привычному маршруту для мониторинга полей и наблюдая за этой величественной битвой весеннего солнца со снегом, с трудом верилось, что всего неделю назад доходившие до колен сугробы, так утомившие взгляд за долгую зиму, могут исчезнуть столь стремительно.

Весенняя страда уже набирала обороты. Инженеры и трактористы завершили проверку техники и агрегатов, но успели получить нагоняй от руководства: за зиму так и не заменили неисправный цилиндр на бороне, которая теперь отказывалась раскрываться без хорошего пинка.

Молодой Сергей, недавно вернувшийся из армии и отработавший в компании всего лишь год, решил устроить импровизированное представление в духе Джеки Чана. Под дружный смех коллег он методично атаковал упрямую борону различными боевыми приёмами, старательно подражая звуковым эффектам из боевиков двухтысячных, пытаясь определить самый действенный способ разложить агрегат.

Представление прервало появление главного агронома Геннадия Анатольевича. Ухватив горе-каратиста за воротник, он наградил того таким внушительным пинком, что возмущённое «ай-ай-ай» эхом разнеслось до соседнего ангара. Мы отчаянно пытались сохранить серьёзные мины перед начальством, но когда тихоня Тимофей не выдержал и прыснул со смеху, волна неудержимого хохота накрыла всех присутствующих, включая нашего строгого, но глубокоуважаемого Геннадия Анатольевича.

Мощная техника, до поры таившаяся в ангарах подобно партизанам, теперь выбиралась на волю, круша остатки льда и взбивая весеннюю грязь. Стальные исполины выстраивались в ряд, готовые к сцепке с боронами и ожидая команды мчаться в поля закрывать драгоценную влагу. Тем временем из биг-бэгов в разбрасыватели сыпалась аммиачная селитра – ранним утром, пока почва ещё скована ночным морозом, предстояло провести подкормку озимых, удивительно хорошо переживших суровую зиму.

Сезон неумолимо начинался. Как ни хотелось ещё немного понежиться с женой и ребёнком, поспать чуть дольше обычного, не нарушая при этом заведённый распорядок (ведь в семь утра нужно поднимать малыша, чтобы к восьми успеть в детский сад), весеннее солнце настойчиво напоминало: «Молодой человек, так не пойдёт – я тут стараюсь, а ты прохлаждаешься». Понимая его правоту, я был готов к сложному, но такому волнующему сражению с весенней страдой.

«Какой же классный сегодня день!» – подумал я, плавно сбрасывая скорость служебного автомобиля и сворачивая с главной дороги на грунтовку. Под кронами ещё не проснувшихся деревьев притаилась коварная ледяная корка, под которой уже набухла влагой почва, готовая намертво схватить колёса и удерживать их до появления трактора со станции, за рулём которого непременно окажется дядя Олег с его фирменной широченной улыбкой – молчаливым свидетельством того, что все уже обсуждают, какой я «Васёк», не сумевший проехать даже на полном приводе, да и зачем вообще туда сунулся.

Но я был уверен в успехе – вера в себя и полноприводный пикап казалась непоколебимой. Даже если машина забуксует, всегда можно включить пониженную передачу и медленно выползти обратно на надёжный, серый асфальт. Правда, такой вариант совсем не радовал: чтобы добраться до озимой пшеницы, предстояло пройти восемьсот метров. Дело было не в лени, а в забытых дома резиновых сапогах. Новые осенние ботинки, заботливо выбранные женой, совсем не хотелось испортить в первый же день их службы.

Не успел проехать и двадцати метров, как зазвонил телефон. Досада кольнула сердце – я уже предвкушал как колёса начнут проламывать лёд и месить грязь, разбрасывая её веером на десяток метров вокруг. Остановившись, взглянул на экран мобильного и удивлённо вскинул брови: звонил не кто иной, как директор нашего хозяйства – Алексей Викторович.

Обычно он предпочитал передавать распоряжения через отдел кадров или через Геннадия Анатольевича, поэтому прямой звонок от него казался чем-то необычным. Помедлив несколько секунд, я мысленно пробежался по списку недавних поручений, пытаясь найти возможные упущения, но был спокоен – все задачи, полученные на планёрках, были выполнены

быстро и качественно. К рабочим обязанностям я всегда относился со всей серьёзностью, халтуру не признавал.

Взяв трубку, я услышал отрывистый, уставший голос Алексея Викторовича:

— Артём, почему трубку так долго не берёшь?

Я едва успел вставить «Здравствуйте!», как он продолжил:

— Ты сейчас где? Хотя неважно... Ты ведь в Силуках живёшь?

— Да, Алексей Викторович, уже лет десять как, — ответил я, недоумевая, к чему этот вопрос.

— Тогда слушай, Артём. Сегодня ровно в шестнадцать ноль-ноль подъезжай к офису, и не опаздывай. Мне в шестнадцать тридцать нужно выезжать контролировать эту чёртову отгрузку селитры. Похоже, подрядчик опять сломанный кран подсунул... Впрочем, не об этом. Ты меня понял?

— Конечно, в шестнадцать буду у вас, — чётко ответил я.

— Отлично, давай, — бросил директор и отключился.

«Странно», — размышлял я. — Директор вызвал к себе и зачем-то уточнил место жительства. Может, отдел кадров напутал с документами? Но тогда бы они сами позвонили, извинились и попросили приехать переоформить бумаги.

Алексей Викторович никогда не вызывает просто так. Обычно такие вызовы ничего хорошего не сулят, хотя до увольнения доходит редко. Несмотря на суровый характер, за мои девять лет он никого не уволил без веской причины: воровство химикатов или появление на работе в невменяемом состоянии. Впрочем, даже к тому, что человек иногда «согревает душу», здесь относятся с пониманием. В разгар сезона, когда после тяжёлого дня позволишь себе расслабиться с парой бокалов, а тут — срочный вызов, руководство настаивает, чтобы ты вызвал такси и срочно выдвигался на работу — хозяйство, естественно, всё оплачивает. Другое дело, что не каждый таксист согласится ехать в такую глушь, откуда сам потом едва выберется, да и цены за такие поездки заламывают так, что невольно подумаешь: может, стоит самому в таксисты податься?

Но шутки шутками, а срочные вызовы обычно случаются, когда ломается сеялка — та требует немедленного ремонта с инженером и последующей настройки. А вот если встал комбайн, и проблема не в очередном порванном ремне — тут уже жди серьёзных неприятностей.

Но сегодня... Нет, сегодня меня точно не уволят — слишком уж хороший день, чтобы его так испортить.

Посидев минуту в машине и поразмыслив над ситуацией, решил выйти покурить. Открыв дверь и, как мне показалось, ловко спрыгнув с подножки на обледеневшую поверхность, едва не угодил в глубокую лужу. В последний момент успел схватиться за дверь, но всё равно поскользнулся и приземлился на пятую точку, умудрившись при этом заехать ногами под автомобиль.

Теперь предстояла непростая задача: подняться так, чтобы не испачкать недавно купленную и только вчера постиранную одежду о грязный борт машины. К счастью, лёд оказался чистым, и, руками оттолкнувшись от ступеньку автомобиля, я потихоньку выбрался из этой нелепой ситуации.

«М-да, — подумал я, — ловкач из меня так себе».

Осмотрев себя, с облегчением обнаружил, что одежда всего лишь намочена. Ничего страшного — когда начну проводить мониторинг озимой пшеницы, подсчитывая количество перезимовавших растений на квадратный метр, весеннее солнце и ветер быстро высушат её.

Главное, чтобы не порвались рабочие бахилы. Не знаю, что случилось с их производителем, но стоит пройти в них метров двести, как вся прилипшая грязь оказывается внутри, учиня настоящее бедствие не только обуви, но и носкам с джинсами. Поэтому я сразу отбросил

идею надевать их сейчас, ведь в запасе оставалась всего пара, а мне ещё предстояло завершить всю работу до того как они разорвутся.

Пошарив в карманах джинсов, я достал пачку сигарет и нелюбимую бензиновую зажигалку. Эту зажигалку приходилось заправлять бензином каждые три дня, и он, конечно же, неизменно пропитывал все карманы. А подаренная дорогим другом металлическая ветрозащитная зажигалка с выгравированными фамилией, инициалами и ироничной припиской «Кури на здоровье» осталась дома на полке ключницы.

Открыв пачку и достав сигарету, я щёлкнул зажигалкой, но не успел прикурить – внезапно всё вокруг поплыло. В ушах застучало сердце, смешиваясь с шумом океанских волн. Накатила такая сильная слабость, что я рухнул на колени прямо на лёд.

Бешеный стук сердца не желал утихать даже на мгновение. Казалось, оно пытается пробить костяную решётку рёбер, разорвать опостылевшую плоть и вырваться наружу. Как выброшенная на берег рыба, я пытался глотнуть воздуха, но с каждым вдохом кислород словно исчезал из мира – он стал не просто невидимым, а пустым, как космический вакуум.

На мгновение почудилось, будто подо мной разверзлась чёрная бездна, готовая утянуть в бесконечное падение. В отчаянии запрокинул голову к почти безоблачному небу и уставился на солнце. Его ослепительные лучи, казалось, приняли меня за очередную ледяную жертву и обрушили такой жар, который не выдержал бы даже пустынный скорпион.

Но странным образом это помогло – воронка бездны подо мной начала сужаться, пока не исчезла совсем. Я снова смог вдохнуть полной грудью, головокружение нехотя отступило, в голове прояснилось, а сердце, ещё секунду назад пытавшееся поучаствовать в гонке со здоровым смыслом, пришло в норму и равномерно продолжило свой ритм, будто бы говоря, что мне всё это показалось.

Не понимая, что со мной произошло, судорожно вспоминал курсы первой помощи, которые был обязан проходить ежегодно, пытаясь найти в памяти признаки инсульта или инфаркта. Быстро поднявшись, улыбнулся своему отражению в боковом зеркале автомобиля. К счастью, никаких признаков паралича не обнаружил, тяжести и жжения в груди тоже не было. Моё состояние казалось таким же, как за минуту до приступа.

Решил проверить себя: сначала походил взад-вперёд, внимательно отслеживая своё состояние, потом зачем-то сделал около тридцати приседаний. Тело слушалось безотказно, никаких отклонений не наблюдалось, даже сильной одышки после небольшой физической нагрузки не появилось. Нерешительно достав телефон, подумал: «Может, на всякий случай вызвать скорую или хотя бы предупредить кого-нибудь о случившемся?»

После недолгих раздумий решил позвонить коллеге Николаю – он как раз должен был закончить с доставкой накладных в офис, находившийся километрах в пятнадцати от меня.

Пока шли гудки, в голову стал назойливо проникать липкий страх. Молниеносно возникли образы: плачущая жена Аня и сын Витюша, одинокие, стоящие на пороге опустевшего дома, не решающиеся войти внутрь – ведь всего час назад моё тело опустили в холодную, не успевшую прогреться весеннюю землю, но к счастью, Николай ответил, и эти мысли тут же растаяли, словно их и не было.

– Аллю, что такое, Тёмыч? – раздался весёлый голос Николая.

Николай был старше меня на год, и мне всегда нравилось с ним работать. Во-первых, потому что он, как и я, выполнял свои обязанности от начала и до конца, а во-вторых – рот у него никогда не закрывался. Если хочешь услышать все новости нашего хозяйства, Коля разложит тебе всё по полочкам: что, почему и зачем. А уж когда начинал затрагивать тему сплетен, его было невозможно остановить: кто с кем поругался, кто с кем переспал, как бухгалтерия отмыла деньги на новом ангаре вместе с подрядчиком – ничего не могло ускользнуть от его острых глаз и ушей.

Во время разговора решил не говорить о своём состоянии. Рассудил, что подожду, пока он придет, и если приступ повторится, попрошу отвезти меня в ближайшую больницу или вызвать скорую.

– Коля, привет! Слушай, ты далеко от четвёртого поля озимки? – стараясь не выдавать волнения, спросил я.

– Да я в нескольких километрах от него, как раз возвращаюсь с офиса на станцию. А что, ты там застрял? Тебе же перезимовку посчитать надо? – весело протараторил он.

– Ха-ха, нет, не застрял. Представляешь, забыл резиновые сапоги, а пачкать обувь совсем не хочется. Вот и подумал – может, выручишь, одолжишь свою пару сапог? – ответил я. – А то на станцию возвращаться не хочется.

– Да без вопросов! Только у меня предложение получше: у меня есть новые и старые сапоги, сейчас приеду – быстренько всё посчитаем. И тебе хорошо, и меня наш Гена-крокодил не будет напрягать новыми поручениями! – радостно предложил Коля.

– Просто прекрасно, тогда жду тебя на въезде, – ответил я, и Коля бросил трубку.

Это был отличный выход из сложившейся ситуации: во-первых, он может присмотреть за мной, во-вторых, быстрее сделаем работу, ну и в-третьих, узнаю, может, он что-нибудь слышал о причине вызова к директору.

Коля подъехал очень быстро – ещё бы, стрелка спидометра у него никогда не опускалась ниже ста километров в час. Он выскочил из машины и крепко пожал мне руку.

– Ну что, салага, совсем без бабки ничего сделать не можешь? – сказал он и захохотал. – Сейчас всё сделаем. Только на чьей машине поедem до поля – на моей или твоей?

– На моей, – немного подумав, ответил я. – Хочется грязюку помесить, – добавил со смехом.

– Вот это наша школа! Ладно, перекидываю сапоги, и погнали. Так, а рамки не забыл? – наигранно сурово спросил он.

– Нет, я их вообще никогда из багажника не выкладываю.

Быстро закинув резиновые сапоги, мы сели в машину и начали покорять полевую дорогу. Первые двести метров проехали без проблем, но потом началась весёлая игра с рулём и газом под непрекращающиеся комментарии Коли:

– Во-во-во, вот так, газуй, газуй, а то увязнем! Нет, ты чего делаешь? Сейчас в посадку понесёт! Ну дурак, ты меня так Богу молиться заставишь! – озорно и увлечённо комментировал битву колёс с землёй Коля. – Так-так-так, вот видишь, идём как по маслу. Вот это машина – везде проедет!

Наша интересная поездка закончилась так же быстро, как и началась. Гонимые азартом, не заметили, как пролетело время. Остановившись и выйдя из машины, оценили, насколько «чистой» она стала: белой осталась только крыша, всё остальное покрывал толстый слой грязи. Комья налипли даже на задних боковых стёклах.

– Вот это дело! – одобрительно сказал Николай.

– Да, машина агронома должна выглядеть только так, – ответил я, хохоча.

Переведя взгляд с машины на поле озимой пшеницы, я на секунду замер. Передо мной открывалась изящная картина: зелёное бескрайнее поле, обрамлённое голыми лесополосами, выглядело как нечто неземное. Почему-то всегда не верилось, что под слоем недавно лежавшего снега притаилось и ждало своего часа то, что в будущем накормит всех нас.

На небе редкие тучи не осмеливались мешать работе солнца – оно щедро одаривало теплом всё, что видело. Слабый тёплый ветерок колыхал море маленьких, ещё не раскутившихся растений, создавая изящную переливающуюся изумрудную волну. От этого вида наступало умиротворение – наслаждение для глаз и души. В такие моменты никогда не жалел о выборе профессии агронома: какой бы тяжёлой она ни была, она давала тебе намного больше, чем ты

мог вообразить. Глоток свежего весеннего воздуха наполнил мои лёгкие и вывел из созерцательного транса.

К этому времени Коля уже переобулся, закрепил учётные рамки и, посмотрев на меня, сказал:

– Ну что, курнём и за работу?

– Давай, – согласился я, вспоминая, что так и не выкурил сигарету. – Слушай, Коля, мне тут Алексей Викторович звонил, просил к нему подъехать. Ты ничего не слышал об этом?

Коля достал пару сигарет, угостил меня и, протягивая зажигалку, сказал:

– Короче, похоже, тебе жопа, – рассмеялся он сквозь зажатую между зубами сигарету и сразу продолжил: – Смотри, помнишь, они весь прошлый год пытались купить две тысячи гектаров у Смольникова?

– Да, – ответил я, с нетерпением ожидая продолжения.

– Так вот, купили неделю назад, представляешь? Этот фуфел морозил их целый год и наконец сдался. А знаешь почему? Да потому что у него денег даже на посевную не осталось. Этот властелин дженериков пропил все бабки, поувольнял хороших работяг, оставив только подхалимов, которые воровали у него перед глазами. Помнишь историю, над которой все наши ржали как кони? Когда у них началась уборка кукурузы, Смольников решил проверить, как идут дела и все ли КамАЗы уходят куда нужно. Только под своей синькой не понял, что каждый пятый КамАЗ уходил налево, а деньги текли мимо его кармана, – согнувшись от смеха, проговорил Коля.

– Так-так, продолжай, – поторопил я. – Почему же мне, как ты выразился, «жопа»?

– Да потому что, Тём, наши не ожидали, что он прямо перед началом сезона позвонит и согласится. Сейчас отдел кадров вместе с владельцем и Алексеем Викторовичем как блохи на бездомной собаке, прыгают и пытаются работу выстроить. А людей-то надо было зимой набирать – уже всех хороших расхватили, а идиоты нам не нужны. Видать, пока работу не выстроят, тебя и ещё кого-нибудь туда перекинут, и будете вы как белки в колесе носиться. Ты же знаешь, какая там земля – Смольников так всё запустил, что всё заново придётся делать. Не удивлюсь, что там и историю полей заполнял сказочник, чтобы на бумаге всё сходилось, а по факту половина налево уходила, – закончил Коля, не переставая улыбаться..

– Вот же блин, думаю, мои любимые переработки станут основным графиком работы, – с тревогой сказал я, уже представляя объём предстоящих дел. Одно дело, когда ты девять лет занимаешься одними и теми же полями, знаешь, где нужно провести известкование, куда можно внести поменьше удобрений, а где был большой урожай и почву надо, наоборот, подкормить как следует. – А кого агрономом отделения сделают, не тебя ли? – поинтересовался я.

– Меня? Ха-ха-ха, Тёмыч, даже если бы предложили, не согласился! Конечно, зарплата сразу в два раза поднимется, да и премия раз в пять, но ты же знаешь – моя сейчас третьего родит. Представляешь, что будет, если я дома не буду появляться? Меня потом точно развод и алименты ждут, – ответил Коля. – Нет, Тёма, я лучше здесь в спокойствии буду, а если захочу денег заработать, то в продажки пойду. Пока меня всё устраивает, не хочется разрываться. А руководителем отделения скорее всего Димку сделают – он мужик толковый, рано или поздно со всем разберётся, – подытожил он.

– М-да... – протянул я. – Новость интересная, надеюсь, к зарплате подкинут немного.

– Да, скорее всего, или потом премию хорошую выплатят. Так что крепись, Тёмыч, буду кулачки за тебя держать, – не сдерживая смеха, ответил Коля. Перспектива работы на новых полях меня не очень радовала. Я погрузился в раздумья: как бы так отказать Алексею Викторовичу, чтобы он не разозлился и оставил меня на старых полях.

– Тё-ё-ёма, – протянул Коля, – хватит грузиться, погнали считать!

С этими словами Коля кинул окурок, который некоторое время крутил в пальцах, и пошёл по диагонали поля выбирать место для рамки. Я ещё немного постоял, переминаясь с

ноги на ногу, переваривая всё, что поведал Коля. Но, снова взглянув на зелёный океан, пошёл делать свою работу – сейчас это было самым простым, что можно было сделать.

Как и предполагалось, закончили подсчёт очень быстро. Записав данные и сфотографировав поле, я отправил всё в рабочий чат. В это время Коля уже сидел в машине, ожидая меня.

Дождавшись отметки о доставленном сообщении, повернулся в сторону автомобиля и сделал шаг, но резкий удар в голову утянул меня в непроглядную темноту. Резкий запах металла ударил в нос. Я чувствовал, как лежу на чём-то холодном и склизком, тело против моей воли пыталось подняться на четвереньки и сбежать.

Я попытался пошевелиться, оглядеться по сторонам и найти хоть какой-нибудь источник света, хотя бы моргнуть, чтобы избавиться от жгучей рези в глазах — ничего не выходило. Животный страх заставлял меня встать, бежать, спастись, но я был заключён в маленькую клетку, как птица, да ещё и накрытую толстой тканью, не пропускающей ни единого лучика.

Мне захотелось рыдать, но слёзные каналы будто высохли — уже давно в них не появлялось ни капли влаги. Да и какая разница? Ведь не было никакой надежды, никто тебя не спасёт. Ты просто ждёшь, когда весь этот кошмар закончится, когда можно будет отправиться туда, где никакие оковы не будут тебя сдерживать, где никто не сделает больно, туда, где ждут объятия дорогих людей. Они будут радоваться, что ты пришёл и нашёл их, но печалиться оттого, что ты не «там», что твой путь закончен — такой короткий и такой тяжёлый, что не увидел ты мира, не узнал всепоглощающей любви, не встретил своё продолжение в маленьких ножках, бегущих по дому.

Слёз нет, не осталось ничего. И в то же время я почувствовал, как кто-то начал тормозить меня, с силой сжимая плечи. Через пару секунд отдалённо начал слышать крик — сначала глухо, будто через бетонную стену, но с каждой секундой он становился всё громче и громче, пока я не начал разбирать слова.

– Тёма! Тё-ё-ёма, ты чего? Ты меня слышишь? Алё, Тёма, что случилось? Ну же, очнись! – с диким беспокойством продолжал Коля, отчаянно пытаюсь привести меня в чувства.

– Коля, что такое? – ошарашенно спросил я, взглянув на его побледневшее лицо.

– Что такое, спрашиваешь? Да я тут чуть кирпичный завод не открыл! Ты себя видел? Слёзы льются, бледный как поганка, а глаза как у демона какого-то – зрачки почти на весь глаз расширились! Тормошу тебя, в чувства пытаюсь привести, а ты встал тут как вкопанный и ещё спрашиваешь «Что такое»? – не унимался он.

– Ух, что-то мне немного нехорошо стало, резко поплохело – пытался я сформулировать свои мысли, но они, как в первобытном танце, перемещались в голове. – Сейчас отдышусь, легче станет, – заверил я.

– Отдышитесь он! Что за фигня такая? Я, значит, сижу, жду тебя, смотрю – ты пошёл и вдруг замер как вкопанный, рот открыл, а лицо! Лицо как будто всю кровь из тебя выкачали! А сейчас... сейчас нормально всё, и глаза обычные. Дичь какая-то! Ты не знаешь, что с тобой?

– А долго я стоял так? – неуверенно спросил я.

– Да минуту где-то. Я как увидел, сразу к тебе подбежал! Ты сейчас как?

– Да вроде отпустило, – так же неуверенно продолжил я. – Сейчас всё в порядке.

– В порядке? Тёма, это не шутки. Давай, может, сейчас к врачу поедим? – предложил Коля.

– Да нет, я завтра схожу, как раз выходной, и проверюсь. Может, с сердцем что, ЭКГ сделаю, пусть послушают, – уверенно сказал я.

Да, так и нужно сделать, но не сегодня. Почему-то чувствовал, что ничего толкового врач не скажет, наверное, сделает просто предположение: «Да у вас нервы, стресс, глицинчика под язычок — и всё пройдёт». А сегодня мне хотелось поскорей закончить с работой и вернуться к семье. Я так по ним соскучился, так хотелось обнять, расцеловать их, побыть рядом.

— Ладно, — уверенно продолжил я, — нормально всё. Просто, видать, встал не с той ноги, не выспался, да стрессую перед сезоном, — решил соврать я.

— Ну смотри, Тёма. Давай лучше сейчас я поведу, ты отдышишься, и если через час ничего с тобой не случится, тогда позволю самому поехать, но буду за тобой ехать, понял? — напряжённо осматривая моё лицо, сказал Коля.

— Конечно, Коля, спасибо тебе большое, — быстро согласился я. Спорить совсем не хотелось: за эту минуту эмоции выпили из меня все силы. Хотелось просто посидеть и смотреть на окружающий пейзаж прекрасного начала весны.

Я был очень благодарен Коле. Он, как насадка, предлагал съесть шоколадку, взятую из офиса, дал воды и всё время пытался поддержать диалог, каждые пять минут спрашивая: «Тебе точно лучше? Ничего не болит? Может, чего хочется — так быстро устроим, или в аптеку сгоняем, там фармацевт точно что-нибудь толковое предложит».

В очередной раз я убедился, что меня окружают прекрасные люди, которые искренне заботятся и переживают за тебя, не пытаются использовать. Сейчас я чувствовал это всем телом. Не было страха, что меня бросят, выкинут как ненужную вещь — ко мне всегда прислушаются, протянут руку в трудную минуту. Я был уверен, что всё будет хорошо.

Просидев в машине час, Коля убедился, что со мной всё в порядке, и я предложил поехать в офис. Хотя до встречи с директором оставалось ещё пару часов, я подумал, что лучше отсидеться на кухне, выпить кружечку ароматного кофе.

Покидая мою машину, Коля повернулся и сказал:

— Артём, давай аккуратнее, я за тобой, если что — сразу тормози.

— Хорошо, Коля, не переживай, всё нормально, фигня какая-то просто накрыла, отоплюсь и в норму приду, — ответил я успокаивающим тоном.

— Добро, погнали, — сказал Коля и быстро сел за свой автомобиль.

Выйдя на трассу и убедившись, что вторая машина так же спокойно выехала с полевой дороги, решил позвонить жене.

В любой другой день мы бы за это время уже несколько раз созвонились, узнали, как у друг друга дела, чем занимаемся. Но сегодня я знал: по голосу она сразу поймёт — что-то не так. К тому же у неё на работе был тяжёлый день, и мне не хотелось лишний раз её беспокоить. И всё же сейчас так сильно хотелось услышать её, что я надеялся проговорить с ней всю дорогу до офиса.

Прикоснувшись к контакту «Любимая» на мультимедиа автомобиля, я стал ждать, когда она ответит.

— Тёмушка, привет! Прости, что сама не позвонила, хотя обещала в двенадцать набрать. Завал такой — просто караул, хорошо, что я попросила маму Ваньку из садика забрать. Как ты там?

— Привет, солнышко моё, всё хорошо, учёт провёл, Коля ещё помог, сейчас в офис еду.

— Ты умничка! Большой привет Коле передавай, и пусть в гости приезжают, а то я давно уже его с Машей и детишками не видела. А что с голосом? Что-то случилось?

— Да нет, всё нормально, просто к себе директор вызвал. Коля рассказал, что, возможно, меня на другой участок перекинут, а там всё может пойти не так гладко, — ответил я, умолчав о своих приступах.

— Ого, это как так? А далеко поля? Не нужно будет на сезон переезжать? А то совсем не хотелось бы, — немного опечаленно ответила Анна.

— Не переживай, солнышко, если что, попробую сделать тактическое отступление, — попытался приободрить её.

— Ох, — вздохнула Аня, — надеюсь, всё будет хорошо, а то я как раз кое-что хотела обсудить с тобой вечером.

— Интригуешь, а сейчас рассказать не хочешь? — заинтригованно спросил я.

— Интрига — моё второе я, — рассмеялась Аня своим звонким голосом. — Ладно, родной, мне уже снова за работу нужно приниматься, извини, любимый, — ласково проговорила она.

— Хорошо, люблю тебя, — так же ласково ответил я, — удачи там.

Закончив разговор, я был немного опечален, что не получилось подольше с ней поговорить. Сколько бы времени мы ни проводили вместе, мне всегда её не хватало. Поэтому, чтобы отвлечься, решил включить свою музыкальную подборку, в которой было намешано столько жанров, что непонятно, чья это подборка — подростка, только перешедшего в восьмой класс, или ностальгирующего старца.

В какой-то момент я решил, что хватит стараться придерживаться определённого стиля, слушать культовые рок- и метал-группы, а также симфонии знаменитых классиков, и стал добавлять в плейлист только то, что находило во мне отклик и заставляло сердце забиться чаще. Так особенно сильно полюбились мне песни Сергея Олеговича Круппова, больше знакомого под псевдонимом "ATL. Его треки я мог слушать на повторе изо дня в день.

Именно благодаря ему остались такие приятные воспоминания: как мы с женой сидели на кухне или в машине и разбирали смысл той или иной строчки. Также стоит упомянуть, что благодаря этому исполнителю мы закупили несколько книг Ирвина Уэлша. Сразу же принялись поочерёдно читать с Аней «Кошмары аиста Марабу», но, как и предполагалось, моя жена была в восторге, а вот меня природа наградила излишней впечатлительностью: переваривая прочитанное, я ощущал липкий холод дискомфорта, поэтому последующие книги предложил Анне прочитать самой со словами: «Этот маленький мальчик ещё не вырос для такого».

Погрузившись в свои мысли, я и не заметил, как подъехал к офису, расположенному на окраине села Лузка. В тени раскидистых деревьев возвышалось элегантное трёхэтажное здание, чей облик воплощал в себе лучшие черты современной деловой архитектуры. Его фасад, словно искусная мозаика, был соткан из благородного коричневого кирпича, светлых панелей и белоснежных декоративных элементов, создающих гармоничную игру текстур и оттенков.

Просторные окна, будто распахнутые навстречу солнечному свету, заливали помещения естественным сиянием. Изящные металлические ограждения на балконах, точно тонкая вышивка, обрамляли каждый этаж. Над входом парил прозрачный козырёк, опирающийся на стройные металлические колонны, приветливо встречая всех входящих.

Здание, словно выросшее из земли, естественно вписывалось в окружающий пейзаж, где высокие сосны создавали живописный природный фон. Его красота особенно остро ощущалась после того, как проехал через окрестные деревни с их старыми постройками, где отделка стен сайдингом считалась чем-то заповедным и дорогим.

Строительство этого здания начал ещё отец нынешнего владельца, всю жизнь проживший в этой деревне. Не желая переносить дело в город, он считал, что лучше обеспечить каждого работника служебным транспортом, чем самому ездить в городскую суету. Он ушёл из жизни, не успев достроить здание, но сын, решивший продолжить отцовское дело, довёл строительство до конца, оформив всё наилучшим образом. Он всегда старался придерживаться отцовских принципов как в работе, так и в отношении к людям.

Выйдя из машины и ещё раз поблагодарив Колю, я передал привет от жены и предложил согласовать дату встречи на следующей неделе, пригласив их с семьёй в гости. Попрошавшись, я направился в здание, где на кухне стал дожидаться заветных четырёх часов.

Глава 2. Счастливый вечер

Время пролетело незаметно. На кухню то и дело забегали коллеги из других отделов, готовые говорить о чём угодно, лишь бы оттянуть возвращение к рабочим обязанностям. По их глазам было видно, что они загружены под завязку, и я, человек полей, был для них глотком свежего воздуха. Мои рассказы уносили их в совершенно иной мир, где нет бесконечной бумажной волокиты, настойчивых звонков дистрибьюторов и назойливых продавцов сельскохозяйственной продукции.

Последним меня навестил Дмитрий из отдела безопасности. Он сетовал на то, как ему наскучило сопровождать Геннадия Юрьевича на химический склад для сверки и подготовки препаратов. И дело было не в недоверии к Геннадию — протокол есть протокол, и его необходимо соблюдать. Завершив беседу, я направился на третий этаж к кабинету номер 34, где на двери красовалась табличка «Ген. дир. Жуков Алексей Викторович».

Сверив время на настенных часах в конце коридора со своими наручными и убедившись, что не опоздал ни на минуту, я уверенно постучал в дверь. Сердце предательски заколотилось, и всё же я решительно переступил порог.

— Алексей Викторович, ещё раз здравствуйте! — произнёс я, приближаясь к рабочему столу.

— О, Артём Владимирович, тебя-то я и ждал! — отозвался Алексей дружелюбным, но утомлённым голосом. — Присаживайся, нам есть что обсудить.

Его тон не предвещал ничего дурного, и напряжение начало отступать. Я расположился напротив, положив руки на массивный дубовый стол, где царил хаос из выписок, накладных и прочих документов. Мой взгляд скользнул по лицу Алексея Викторовича: глубокие мешки под глазами свидетельствовали о том, что пока я наслаждался зимним затишьем, здесь и пять часов сна считались роскошью. Морщины на лбу выдавали постоянную работу мысли над непростыми задачами. Обычно гладко выбритое лицо теперь покрывала седеющая щетина.

Поймав мой изучающий взгляд, он улыбнулся:

— Мы с тобой почти год не виделись. Думаю, ты бы меня и на улице не узнал, — произнёс он всё тем же добродушным тоном. — Сам понимаю, что выгляжу неважно. — Он усмехнулся. — Но ничего, Артём Владимирович, справляемся как всегда. Правда, для этого мне нужна твоя помощь.

— Как можно вам отказать? Что требуется? — отозвался я с искренним интересом.

— Вот это правильный настрой! — воодушевлённо произнёс Алексей Викторович. Скрестив руки на столе, он подался вперёд и продолжил: — Так вот, Артём, ты уже слышал о покупке земли у Смольникова? Можешь не отвечать, уверен, что в курсе. Работы предстоит море, но оно того стоит, понимаешь? — он пристально взглянул на меня, изучая реакцию.

— Понимаю, Алексей Викторович. Я более-менее осведомлён о ситуации с землями Смольникова, — ответил я серьёзно.

— Это хорошо! Очень хорошо, Тёма! — директор энергично постучал указательным пальцем по столу. — Слушай внимательно, потому что ещё не все знают: мы взяли не две тысячи гектаров, а все пять! — с гордостью произнёс он.

— Пять тысяч? То есть теперь у нас хозяйство в двадцать тысяч гектаров? — изумлённо переспросил я.

— Ха-ха-ха, да, Артём, всё верно. Наверное, думаешь, что я хочу отправить тебя на поля Смольникова как сменного агронома, пока не найдём новых людей? — удовлетворённо проговорил Алексей. — Но нет, у меня к тебе предложение получше! Помнишь, я спрашивал, где ты живёшь? — я кивнул. — Так вот, в трёх километрах от твоего села будет строиться новая станция, которая и будет обслуживать новые поля. Сейчас там, конечно, есть место и

для техники, и для хранения, но всё нужно привести в порядок: за лето построить несколько ангаров, сделать ремонт во всех зданиях... Впрочем, это разговор другого дня. К чему я веду: у меня есть работник, который с нами уже почти десять лет, ответственный, знающий своё дело, агроном до мозга костей, как и его дед, да ещё живёт в трёх километрах от новой станции. Ну, так как думаешь, что я хочу тебе предложить? — с довольной улыбкой взглянул он на меня.

— Агроном отделения?! — почти воскликнул я, еле сдерживая улыбку, готовую растянуться до ушей.

— Да, Артём Владимирович! — серьёзно ответил генеральный директор. — Всё именно так! Ты парень молодой, активный, ответственный, поэтому я долго не думал и решил поставить тебя на это место! Но учти, работы будет много, придётся год, а то и два разгребать весь бардак, который там творится. Если согласишься, зарплату подниму в три раза, ну и сам знаешь, какая у агрономов отделения премия при хорошем урожае. Хотя мы всем начальством каждый год твердим о конфиденциальности, а у меня уже кот в подъезде знает, кто сколько за предыдущий год получил. Ну так что, Артём Владимирович, согласишься? — закончил он, ожидая моего ответа.

— Да, я согласен. Не подведу, всё сделаю в лучшем виде, — ответил я без промедления, с сияющей улыбкой.

— Вот и молодец! Правильный настрой! — Алексей Викторович, довольный ответом, протянул свою крепкую руку для закрепления договорённости.

После энергичного рукопожатия он продолжил:

— Значит так: сейчас позвоню в отдел кадров. Ты зайди к ним, уточни насчёт документов. Если что потребуется — подготовь за выходные и в понедельник принеси. Со следующей недели приступаешь к новой должности, а во вторник проведём обстоятельную планёрку, чтобы ты мог быстрее влиться в работу. За выходные постарайся отоспаться за весь сезон! — закончил он; было заметно, как часть груза спала с его плеч. — Всё, не задерживаю, хороших выходных. Все вопросы обсудим в понедельник, а я поеду на отгрузку — надеюсь управиться до шести.

— Спасибо вам большое за доверие, я вас не подведу! — искренне поблагодарил я.

Попрощавшись, я почти вприпрыжку помчался в отдел кадров. Там заверили, что документы не потребуются, если я не менял место жительства, и в понедельник без проблем подпишем новый трудовой договор.

Довольный, как объевшийся сметаны кот, и всё ещё не веря своему счастью, я завёл машину и отправился в магазин за угощениями для Вани и бутылкой хорошего вина для нас с женой — сегодня определённо стоило устроить небольшой семейный праздник!

Все тревоги сегодняшнего дня растворились благодаря предложению новой должности. В голове вихрем проносились мысли: как преподнести новость жене и родным, что сделать в первую очередь на новом месте, как выстроить севооборот, какие операции запланировать...

Подъезжая к своему любимому одноэтажному дому с огромными, словно глаза морского чудовища, панорамными окнами, так органично вписавшимися в архитектуру, я понял, что мама ещё не привела Ванюшу из садика: окна были тёмными, без единого проблеска света, хотя они должны были появиться с минуты на минуту. Едва откатные ворота начали открываться, в боковом зеркале показался знакомый силуэт белого седана — это мой Ванечка с мамой Ириной как раз возвращались домой.

Я решил не загонять машину, а сразу выйти им навстречу. Когда седан остановился, весело помахал маме, отстёгивавшей ремень безопасности, и направился к заднему сиденью, чтобы достать Ивана из детского кресла.

— Ванечка, привет, зайка мой! — ласково произнёс я. — Что делал сегодня в садике?

Он посмотрел на меня своими яркими зелёными глазами, его широкие брови сошлись, придавая лицу серьёзное выражение.

— Папа, мы гуляли на улице, там ещё... ещё... — Ваня старательно подбирал слова, — машинку сломал, когда гулял, — расстроенно закончил он.

— Ха-ха-ха, ничего страшного, зайка! Купим такую же машинку, а может, и получше. Не переживай, это же просто игрушка, — успокоил его я.

— Правда?! А когда за ней поедem, сегодня? — восторженно спросил Ваня. Его лицо мгновенно просветлело, хмурые складочки на лбу разгладились, а маленькие губки растянулись в очаровательной улыбке.

— Ха-ха, нет, зайка. Давай завтра проснёмся, покушаем, а потом съездим в магазин, — пообещал я. — А сегодня я тебе столько вкусняшек купил, устроим праздник!

Я взял Ваню на руки, повернулся к маме и поцеловал её в щёку.

— Привет, мамуля! Как твои дела? Спасибо большое, что Ваню забрала. Я, конечно, и сам мог успеть, но ты нас очень выручила. Кстати, у меня отличная новость! — с любовью проговорил я.

Мама была очень ласковой и доброй женщиной. Она всегда помогала нам, но и о себе не забывала: аккуратный макияж и качественная одежда, которой могли бы позавидовать молодые девушки, всегда были при ней. Весенний плащ, перехваченный широким поясом, прекрасно подчёркивал её стройную фигуру, а шляпка с широкими полями делала её похожей на западных звёзд семидесятых. Яркая улыбка озарила её лицо, большие выразительные глаза заблестели от интереса.

— Сыночек мой, а что это за новость такая, от которой ты так светишься?

— Мамуль, в общем, теперь я... — немного помедлив, — агроном отделения, — с гордостью закончил я.

— Ох, батюшки мои, какой молодец, умничка мой, весь в моего папу! — небольшие капельки слёз появились у неё в уголках глаз. Она подошла и обняла нас с Ваней так, словно пыталась передать все свои эмоции и гордость. Постояв секунд десять, отступила на шаг и продолжила: — Артём, ты большой молодец! Я знала, что тебя обязательно заметят и повысят. Это раньше, когда мы с твоим папой молодыми были, твой дедушка, работая агрономом отделения, копейки получал, да и зарплату, дай Бог, деньгами выдавали, а не мясом да молоком. Сейчас же, думаю, и финансовое положение лучше станет. Может, с Аней Ванечке братика или сестрёнку сделаете? Мне бы ещё внучку хотелось, — не переставая улыбаться, закончила она.

— Да, мамуль, дай Бог, всё сложится, — я наклонился и ещё раз поцеловал её в щёку. — Спасибо за твою поддержку! — слегка смущённо проговорил я.

— Ой, ну а зачем ещё мамы нужны? Видит Бог, был бы твой отец жив, гордился бы тобой, Артёмушка мой! — с лёгкой грустью ответила Мама.

— Да, мамуль, я знаю, — с грустью сказал я, но тут же решил не поддаваться печали. — Пойдём в дом? Я вкусностей набрал и вина, посидим все вместе?

— Нет-нет, вы давайте втроём празднуйте, а мне надо ещё к Лидии съездить обязательно, мы уже давно договорились, неудобно будет переносить встречу. А вот в воскресенье ждите меня! — заверила Мама.

— Хорошо, мамуль, спасибо ещё раз, — я снова поцеловал её, теперь в другую щёку. — Езжай аккуратно, к ночи может и минус ударить, а ты, я смотрю, уже на лето успела переобуться, — недовольно заметил я.

— Ах-ха-ха, не переживай, Артём, я аккуратно. Давайте, сладкие мои, — она расцеловала Ванюшу. — Анечке можешь привет не передавать, я уже с моей любимой невесткой успела поговорить, — произнесла она довольным и загадочным голосом. — Ну всё, пока-пока, я поехала.

Загнав машину, мы с Ваней, держась за руки и неся пакет с продуктами, направились в дом, всю дорогу обсуждая детские, но такие важные вопросы.

Ожидая Аню, мы успели переодеться, умыться, выложить продукты из пакета и разогреть аппетитное мясо с картофелем по-деревенски — его так заботливо приготовила моя мама, пока мы были на работе. Правда, я понял, что совершил ошибку, когда чуть не началась война за сладкий детский молочный ломтик: Ваня, у которого, кажется, самые быстрые руки на Диком Западе, первым делом выхватил его из пакета и настойчиво требовал открыть прямо сейчас. Я пытался уговорить его дожидаться маму, поужинать всем вместе, а уж потом съесть десерт. И чуть было не проиграл спор с трёхлетним мальчишкой, но тут открылась дверь, и в дом вошла Аня.

— Мальчики, я дома! — раздался из глубины коридора её звонкий голос. — Скучали по мне?

Забыв обо всех сладостях, Ваня метнулся навстречу и, старательно, но тщетно пытаюсь справиться с коварной «р», восторженно закричал:

— Мама! Пливет! Мы с папой кушать готовим! Возьми на ручки! А ещё я машинку в садике сломал, и папа сказал, что завтра поедем новую такую же покупать! А бабушка мне песенку спела, пока мы домой ехали!

Ваня радостно запрыгал вокруг Анны, с нетерпением ожидая, когда она разденется, чтобы при первой же возможности оказаться у неё на руках.

Подойдя ближе, чтобы помочь ей снять куртку, я на мгновение замер, поражённый её красотой. Нежный взгляд небесно-голубых глаз излучал тепло и безграничную любовь — словно в них отражалась вся глубина её светлой души. Мягкая улыбка играла на чувственных губах, придавая лицу особое очарование — так улыбаются лишь те, кто познал истинное счастье.

Золотистые локоны, подобно солнечным лучам, обрамляли её точёное лицо, струясь мягкими волнами по плечам. В каждой черте читалась природная грация и женственность. Изящные руки, нежно гладившие пухлые щёчки счастливого Вани, передавали всё то бесконечное тепло, которое способна дать только мать своему ребёнку.

Естественный макияж лишь подчёркивал её природную красоту: длинные ресницы, безупречные брови и лёгкий румянец на скулах создавали впечатление, будто передо мной не живой человек, а прекрасная фея из сказки. В каждом её движении, в каждом взгляде сквозила тихая, ненавязчивая грация.

Она перевела взгляд с Ванечки на меня — и моё сердце ёкнуло. В очередной раз я убедился, как сильно я люблю её, как счастлив, что встретил свою родную душу. Мне захотелось раствориться в этой любви, и я крепко, но бережно обнял её, нежно поцеловал в губы и прошептал:

— Люблю тебя, моя девочка. Я так по тебе соскучился.

Мои глаза были опьянены любовью.

Не ожидая от меня такой щенячьей нежности, Анна зарумянилась и игриво взглянула на меня. Затем рукой обхватила мою шею, притянула к себе и крепко прильнула губами к моим, но до конца не поддалась страсти — ведь не хотелось показывать Ване те чувства, которые обычно остаются за дверью спальни.

— И я тебя люблю, Тёмушка мой, — ответила она, глядя прямо в глаза.

— И я тебя, папа, люблю! И тебя, мама, люблю! — затараторил Ваня, пытаясь маленькими ручками обнять нас обоих.

— И мы тебя любим, зайка наш, — произнесли мы с Аней в один голос и весело рассмеялись.

Постояв ещё полминуты в обнимку, мы начали обсуждать мелкие детали прошедшего дня. Самый важный разговор решил оставить на ужин.

Ваня отправился в гардеробную с Аней, без умолку рассказывая обо всём, что с ним происходило, а я тем временем достал из духовки еду, начал накрывать на стол, открыл не

до конца охладившееся вино — чтобы подышало — и наслаждался домашним уютом. Тем душевным теплом, которое создаём мы все вместе и которое не могут побороть даже самые суровые жизненные морозы.

Раскладывая тарелки с аппетитными блюдами и закусками, я услышал шаги: на кухню вошла Аня, ведя за руку Ванюшу.

— Ого, это что у нас за праздник? — удивлённо подняв брови, спросила она. — И даже моё любимое вино купил! — удивление сменилось довольной улыбкой, и она посмотрела на меня, ожидая объяснений.

— Есть радостная новость, поэтому надо отметить! — заверил я её, предвкушая, как начну рассказывать о новой должности.

— Ха-ха, — засмеялась Аня своим чарующим голосом. — Вижу по тебе, что разговор с гендиректором прошёл лучше, чем ты ожидал!

— Ещё как! — довольно произнёс я. — А теперь давайте сядем и вкусно поужинаем. Да, Ванюша, мы же сегодня всё съедим, что будет у тебя в тарелочке? — обратился я к Ване, который уже взбирался на свой детский стульчик.

— Да! А потом ты мне шоколадку дашь? — радостно поинтересовался он.

— Конечно, дам. А если ещё и брокколи съешь, то вообще целых два кусочка шоколада дам! — с улыбкой пообещал я.

Усевшись за стол, Ваня принялся насаживать на вилку картофель и отправлять его в рот, а я разлил по бокалам вино. Аня с нетерпением ждала, какую же новость я расскажу.

— Итак, зайки мои, сегодня для всей нашей семьи отличный день! Со следующей недели, а именно с понедельника, меня переводят на новую должность — агрономом отделения! Пять тысяч гектаров и своя станция, всего в десяти минутах от нашего дома! — взволнованно произнёс я.

— Вау! Здорово! Молодец мой! — Аня вскочила, обежала стол, обняла меня, и мы запрыгали, словно маленькие дети, а Ванюша, с интересом наблюдавший за нами и зарядившийся нашей радостью, принялся активно хлопать в ладоши. Немного придя в себя, Аня продолжила: — А работы очень много будет? — с лёгким волнением спросила она.

— Первый год или два точно будут сложными. К сожалению, я буду больше времени проводить на работе, но постараюсь выстроить всё, как на наших старых полях, и тогда, думаю, всё устаканится, — заверил я Аню. — А теперь угадай, на сколько мне поднимут зарплату? — немного хитро улыбнулся я.

— На пятьдесят процентов? — немного подумав, предположила она.

— Бери выше, — я пытался сдержать улыбку.

— Неужели в два раза?!

— В три раза! — не выдержал я. — А премия, ты и сама знаешь, какая у агрономов отделения — бедствовать точно не будем!

— Какой ты у меня молодец, я очень горжусь тобой и рада, что тебя наконец-то оценили и дали то, что ты заслуживаешь! — говорила она, сжимая мои ладони, и лицо её светилось от счастья. — Конечно, жаль, что ты будешь реже появляться дома и проводить с нами время, но я знаю: ты будешь стараться ради нас, мой дорогой! — закончила она.

— Да, Анюта, пока молодой, буду стараться всё успеть! — воодушевлённо ответил я.

Мы снова уселись за стол, чокнулись бокалами и, отпив немного, принялись за еду, обсуждая будущие планы и перемены. Я также расспрашивал, как проходит её работа, не устаёт ли она, и осторожно заметил, что, может быть, теперь ей стоит уволиться — ведь я смогу обеспечить всех, а она сможет чаще проводить время с Ваней. После этих слов у неё заблестели глаза, она смущённо опустила голову, щёчки покрылись румянцем, и она тихо произнесла:

— Артём, помнишь, я днём говорила, что хочу с тобой поговорить? — начала она.

— Да, конечно, я не забыл, — уверенно кивнул я.

— Ну так вот, прости, пожалуйста, что говорю тебе не самому первому — я сначала обсудила этот вопрос с нашими мамами. Но не думай, что это потому, что ты у меня не на первом месте, а потому что они всё-таки люди более опытные и могут дать мудрый совет. Конечно, в таких делах родители обычно в любом случае поддержат, — говорила она, нежно поглаживая мою руку.

Пока она говорила, я старался не пропустить ни слова, потому что уже догадывался, о чём пойдёт речь, и внутри меня начал распускаться бутон прекрасного цветка, принося с собой чувство тихой, глубокой эйфории. Сердце радостно застучало, я нежно взял её руки и терпеливо ждал, пока она закончит. Всё это время Ваня, поедая вкусное мясо и брокколи, с неискраемым интересом наблюдал за нами, будто понимая, что сейчас решается вопрос, который внесёт огромные изменения не только в его жизнь, но и во всю нашу большую семью.

— Мы с тобой уже говорили, что, может быть, нам пора завести девочку или ещё одного мальчика, чтобы Ване не было скучно и он стал старшим братиком, — волнуясь и пытаясь унять лёгкую дрожь в голосе, продолжала она. — Мы с тобой на ноги встали, Ванечка в садик уже ходит, родители всегда помогают, а тут ещё и должность у тебя такая, что проблем с деньгами не должно быть. Поэтому, может, начнём потихоньку думать о втором малыше? — покрывшись краской, закончила она.

— Да! — только и смог выговорить я. Ком застрял в горле, не позволив выразить всю ту радость, которая наполнила меня. На глазах выступили слёзы, я быстро обошёл стол и обнял свою любимую, шепча ей на ушко: — Люблю тебя, Анечка, моё солнышко, больше всего на свете, очень-очень люблю, — говорил я, не замечая слёз счастья, струившихся по щекам.

Так мы простояли, передавая друг другу свою любовь. А потом снова сели за стол и начали обсуждать, кого больше хочется — девочку или мальчика, кого Ванечка хочет — братика или сестрёнку, на что он весело отвечал: «Сестрёнку, я хочу сестрёнку!» — и какое имя мы бы дали нашему будущему малышу.

Завершив ужин, Ваня попросил спеть ему «Музыкантов» в переводе с детского — песню из мультфильма «Бременские музыканты - Луч солнца золотого». «Ну как тут откажешь, когда настроение такое замечательное», — подумал я, охмелевший не только от бокала вина, но и от событий сегодняшнего дня. «Всё-таки я был прав: сегодня прекрасный день — лучше и быть не могло», — с довольной улыбкой заключил я про себя. Два воспоминания о странных приступах почему-то совсем улетучились, оставшись где-то далеко на задворках сознания — слишком сильные положительные эмоции перекрыли собой неприятное чувство, заглушив его без остатка.

Все вместе мы направились в зал. Зайдя в него, я на секунду замер взглядом на пианино, но тут же решил, что сегодня не его вечер, и снял с крючка чехол, в котором находилась моя старая шестиструнная гитара — простая Yamaha F310, сделанная из древесины меранти, или, как его часто называют, филиппинского махагони. Она была словно продолжением руки. Каждый раз, начиная играть на ней, я сразу вспоминал покойного отца. Эту гитару он купил мне в одиннадцатом классе взамен дешёвой подростковой и вручил её со словами: «За отличные оценки и красивые глазки», — а потом рассмеялся и взъерошил мне волосы своей большой, огрубевшей от работы рукой.

Мой отец Владимир не пошёл по стопам деда. Дедушка был агрономом до мозга костей, и именно он открыл для меня удивительный мир сельского хозяйства. Проводя с дедушкой летние дни в полях, я восхищался мощью комбайнов и тракторов, а также разнообразием культурных растений. Дедушка щедро делился знаниями: объяснял тонкости вспашки, особенности посева с учётом погодных условий, раскрывал главную миссию агронома — накормить людей. В сочетании с моей любовью к биологии это и предопределило выбор аграрного университета.

Но отцу больше всего нравилось, когда он, будучи ещё молодым, помогал механизаторам перебирать вечно ломающиеся трактора. В детстве дедушка часто брал его с собой на работу

— не ездить по полям и проникаться работой агронома, а возиться с техникой. Одно время, ещё школьником, отец даже получал от хозяйства небольшие деньги за помощь в ремонте. Сразу после армии, ещё молодой, он женился на моей маме, с которой сидел за одной партой со школьных времён, и пошёл учиться на инженера, после чего занялся ремонтом автомобилей. Постепенно, набив руку и набрав постоянных клиентов, они вместе с мамой арендовали небольшой гараж, который с каждым годом разрастался всё больше. Со временем отец нанял людей и сам перестал крутить гайки и болты, занявшись административной работой. Он обучал маму всему: что и как правильно делать, какие детали заказывать, как вести оценку работы. Мама Ирина влилась в работу и помогала отцу во всём, благодаря чему, когда отец умер, она смогла взять всё в свои руки и продолжить его дело, не продавая бизнес. Конечно, у неё не получалось так же эффективно вести дела, как у отца, но бизнес не загибался: поток клиентов оставался стабильным, текучки кадров не было, поэтому на доход грех было жаловаться.

Поэтому мне не хотелось покупать другую гитару. Мне казалось, что когда я играю на ней, мой голос и мелодия проникают через невидимый порог, отделяющий живых от мёртвых, и доходят до его души, из-за чего он знает, что не забыт и всё ещё любим нами.

Устроившись поудобнее в кресле, я перехватил гитару, проверил и настроил струны на слух, прокашлялся и принялся исполнять одну из любимых мной и Ваней песен. Аня сидела на диване и смотрела на меня сияющими глазами, с нежной улыбкой на лице. Ваня, закончив прятаться в чехле от гитары, вылез, подбежал к Ане и, взяв её за руки, потребовал начать танцевать.

Наверное, если бы кто-то взглянул на нас сейчас через окно, можно было подумать, что в соседней комнате сидит съёмочная команда с режиссёром и сценаристом, снимающая фильм про семейную идиллию, готовая через секунду крикнуть: «Снято!» — настолько в этот момент всё казалось идеальным. «Что ещё можно просить у жизни?» — подумал я, умиротворённый этим моментом. Податливые струны продолжали издавать приятный, ласковый звук, а сказочная песня объединяла наши голоса.

Когда мелодия естественно окончилась, мы немного безобидно поспорили, какую песню выбрать дальше. Я сыграл ещё пару любимых композиций, а завершили мы нашим с Аней исполнением песни «Немерено» группы «Лампабикт» совместно с «Элли на маковом поле». Аня, держа на коленях и поглаживая по начинающим кудриться волосам уже сильно уставшего Ваню, произнесла, обращаясь к сыну:

— Ванечка, сейчас мы с тобой пойдём и почистим зубки, а затем папа пойдёт тебя укладывать спать, а я... — она стрельнула в меня игривыми, с блеском глазками и продолжила: — а я в это время сама буду «готовиться ко сну», да, Артёмка? — закончила она, подмигнув мне.

Предвкушая сладостный момент взрослой близости, сердце застучало волнующе, будто сейчас я был не опытным тридцатилетним мужчиной, а тем молодым студентом, приглашённым в гости на «чай» к смущённой и оттого ещё более желанной Анне, и глупая улыбка никак не сходила с моего лица.

Когда Аня закончила обязательный вечерний ритуал умывания, я уже подготовил детскую: убрал разбросанные по полу игрушки, взбил подушку и откинул одеяло. Ванечка лёг в кровать, и мы с Аней расцеловали его в милые щёчки. Она пожелала ему сладких снов, а мне тихо шепнула на ухо:

— Надеюсь, наш малыш быстро уснёт, потому что мне уже не терпится оказаться в твоих объятиях, мой сладенький, — легонько шлёпнула меня по пятой точке так, чтобы Ваня не заметил, выключила свет и, закрывая за собой дверь, ещё раз пожелала сыну сладких снов.

Глядя на него, такого сладенького, который сейчас тихо сопел во сне, я вспомнил, как впервые взял его на руки в роддоме. Тот день — день рождения нашего ребёнка — стал самым счастливым в моей жизни. Моя любовь преобразилась, стала теплее, нежнее, глубже — порой я не верил, что такое возможно.

Аккуратно поднявшись с кресла, я легонько поцеловал его в щёчку и, стараясь не шуметь, представил себя ловкой дикой пумой. Прокрался к двери, медленно приоткрыл её, вышел в коридор и, взглянув на моё маленькое чудо, сладко сопящее в кроватке, так же медленно закрыл дверь. Моя миссия была выполнена, и я с нетерпением отправился в спальню.

Подходя к двери спальни, я увидел слабое тёплое свечение. Зайдя внутрь, заметил, как Анна, слегка наклонившись, зажигала свечи на прикроватной тумбочке, наполняя комнату романтикой.

На ней был лёгкий короткий халатик, явно надетый не для того, чтобы согреться после душа, а чтобы свести меня с ума. Со своей задачей он справился на отлично. Я тихо подошёл сзади, нежно обнял жену за талию, уткнулся носом в её сказочные волосы и принялся покрывать поцелуями её шею, аккуратно спуская халат с плеч.

Наше вожделение перерастало в настоящий ураган, сердце готово было вырваться из груди. Аня податливо повернулась ко мне, её томный взгляд говорил сам за себя, а приоткрытые губы обещали поцелуй такой страстный, что слова здесь были не нужны — начинался язык любви и желания. Не сдерживая себя, она притянула меня за шею и впилась в мои губы. Этот поцелуй ознаменовал начало долгой ночи наслаждения.

Мои руки ласкали её нежную кожу. Мне хотелось быть тёплым океаном, стремящимся разом покрыть всё её тело, и я, не переставая, вёл ладонями вверх и вниз, сжимая то упругую грудь, то округлые бёдра.

Затуманенная наслаждением голова не уловила миг, когда мы оказались на кровати. Наши тела сплелись, души открылись друг другу, сердца начали биться в унисон. Мои губы покрывали её нежную шею чувственными поцелуями, затем проложили тропинку до горячей груди и ниже, к животу. Она положила ладони на мои плечи, притянула к себе и обожгла горячим поцелуем. А я, легонько раздвинув её ноги и сдерживая бешеный порыв страсти, медленно, боясь причинить боль, слился с ней в одно целое.

Неизвестно, сколько длилось это слияние души и тела. Нас накрывало волнами страсти, которые сменялись мягким ветром нежности, уносившим в другую реальность — туда, где есть только мы, невесомые, но в то же время притягивающие друг друга. В этот миг нити судьбы ещё крепче сплели нас, сделав невозможным биение одного сердца без другого.

Принимая и посылая друг другу вспышки эйфории, кругами расходящиеся по телам, мы не желали прерывать этот долгий, страстный поцелуй. Медленно и чувственно мы растягивали его, наши языки сплетались воедино, не готовые расстаться, будто боясь никогда больше не встретиться.

Но ничто не может продолжаться вечно. Уставшие и опьянённые от удовольствия, мы аккуратно, словно боясь разрушить волшебство, закончили наш безмолвный разговор губ. Пьяными от любви глазами мы улыбнулись друг другу. Я ещё раз нежно поцеловал её и аккуратно лёг на бок, не в силах заставить себя убрать руку с её живота — сегодня хотелось быть одним целым, не хотелось ни на секунду, даже на мгновение создавать расстояние между нами. Лёжа на спине, она поправила волосы так, что пряди слегка прикрыли её грудь. Она снова посмотрела на меня — этот взгляд словно проникал в каждый уголок моей души, нежно разливаясь в ней тёплым светом. Первой прервала тишину Анна.

— Люблю тебя, Артём, с самой нашей первой встречи, — прошептала она с тихой улыбкой, глядя в мои глаза.

— И я тебя очень сильно люблю, моё солнышко, — ответил я и ласково поцеловал её в губы.

Сейчас я был самым счастливым человеком на свете. Тепло дома и любовь моих самых дорогих людей, наполнило моё сердце безграничным светом. Оно медленно билось в такт с сердцем самого близкого человека — моего сокровища, моей судьбы. Я хотел всю ночь пролежать рядом с Анной, любуясь её аккуратными губами, милыми щёчками, длинными

ресницами, изящным носом, сказочными золотистыми волосами. Она — самая прекрасная, женственная, любящая и желанная женщина на свете. Та, которая всегда останется рядом, выслушает, поддержит и поможет выкарабкаться из любой ситуации.

С этими мыслями сознание начало меркнуть. Полудрёма окутала меня, стирая границу между явью и сумбурными образами, что, переплетаясь, застилали разум и уносили в умиротворённое, сладкое забытьё. Последнее, о чём я успел подумать, уже соскальзывая в эту мягкую бездну, было: «Вместе с вами, мои любимые, невозможно не быть счастливым. Я сделаю всё ради вас».

Глава 3. Вор судьбы

Пучина сладкого сна поглотила меня. Всё, что я ощущал, — лёгкость и свободу, но вскоре возникло странное чувство чьего-то присутствия — чего-то, чему здесь не место. Внезапно я осознал, что слишком явственно чувствую реальность. С каждым мгновением я всё сильнее пробуждался внутри себя. Словно через миллиарды невидимых нитей я ощущал комфортное тепло одеяла, слышал монотонный стук собственного сердца, чувствовал руку, что покоилась на животе Анны. Моё «я» непостижимым образом очнулось, а сон, призванный успокоить уставший разум, сменился странным, неизведанным состоянием.

Я попытался открыть веки, оглядеться, убедиться, что, возможно, просто оказался в осознанном сновидении — но понял, что тела моего нет. Как нет и ничего вокруг. Возникло ощущение какой-то наполненной пустоты — примерно такое, когда не видишь окружающий воздух, но знаешь, что это смесь газов, главным образом состоящая из азота и кислорода. Именно это ощущение помогло мне перейти к осмыслению происходящего.

Меня заинтересовали не ощущения тела, безмятежно спящего в постели, а именно невидимые нити, исходящие от осознавшего себя «я». Они словно тянулись от меня к каждой клеточке организма. Я подумал: «Может, я неведомым образом почувствовал себя мозгом, от которого идут все команды и импульсы, настраивающие сложную работу организма?» — но тут же отбросил эту мысль, потому что ощутил: нити, как и все сигналы, идут ко мне. «Ко мне — но к кому? К чему?» — не понимал я.

Чувство чьего-то присутствия постепенно нарастало. Мысль обожгла меня: «Меня здесь быть не должно. Вообще никого не должно быть. Это неправильно. Что-то не так».

Страх усиливался. Сосредоточив всё внимание на нитях, я пытался успокоиться, понимаю: сейчас главное — ни в коем случае не допустить разрыва этой связи. Убедившись, что ничего не изменилось и связь, соединяющая меня с лежащим на кровати телом, не нарушена, я попытался «вдохнуть» окружающее пространство и понять, что же происходит. Необходимо было любым способом узнать, почему я здесь и что здесь творится.

«Мне надо увидеть — тогда пойму», — решил я, хотя где-то на границе сознания уже всё понял, но нуждался в подтверждении. Словно расширяясь, я попытался вобрать в себя крупицу понимания, хотя оно должно быть сокрыто. Эта вселенская тайна не должна открыться сейчас: я жив, моя связь крепка, нет никаких причин снова узреть забытую истину. Но почему-то нечто заставило меня очутиться здесь. То, что присутствует и заставляет нервничать. Страх перед «не нашим», перед чужеродным — и это чужеродное, сотрясая и разрушая целостность оболочки, в которой я заключён, невольно пробудило меня в этом месте.

В тот же миг я ощутил слабый, едва заметный холод — и это заставило меня замереть. «Нет, неправильно. Так не должно быть. Что происходит?» — только и успел подумать я, как почувствовал вибрацию. Почувствовал, как нечто с усилием пытается проникнуть сюда, создавая трещины в моей защитной оболочке.

«Так, так, так. Собраться. Главное — чтобы нити были целы. Увидеть. Вернуться. Проснуться. Я не должен быть здесь, потому что не умираю. Жив. Чувствую всё через нити. Здоров и никак сейчас не могу умереть — разве что метеорит влетит в окно. Что-то здесь не так, я уверен. Собирайся! Сосредоточься!» — отчаянно неслись мысли.

Я напрягся всем своим естеством — и перед внутренним взором наконец открылось величественное пространство. Моя душа парила в первозданном космосе, пронизанном божественным светом. От самого центра — там, где душа соединяется с телом — исходило ослепительное золотое сияние.

От этого центра во все стороны расходились тончайшие золотые нити — живые, пульсирующие потоки энергии, связывающие внутреннюю сущность с физической оболочкой. Све-

тящиеся волокна переплетались, образуя причудливую сеть, напоминавшую одновременно и нервную систему, и россыпь созвездий на небосклоне, и священную геометрию самого мироздания.

Вокруг кружились сферы различных размеров — словно планеты. Каждая излучала собственный свет: золотой, серебряный, янтарный, зелёный. Все они были соединены со мной теми же золотыми нитями, и я вдруг понял: душа человека связана не только с телом, но и с целой системой, скрытой от глаз, — системой, дарующей саму жизнь.

Там, куда не достигал свет души, не дотягивались золотые нити и не долетали светящиеся сферы, простиралась космическая бездна. В ней смешивались туманности тёплых золотистых оттенков с холодными сине-серыми тонами. Повсюду мерцали искры света, подобные звёздной пыли, рождая ощущение бесконечности и запредельности.

Всё моё существо застыло в оцепенении. Мгновенный импульс пронзил не только душу, но и плоть, заставив содрогнуться каждую клетку. Нити затрепетали, но уже через секунду всё обрело прежнюю гармонию. Пришло понимание: связь души и тела крепка, нерушима — такая же, как в миг моего зарождения и появления на свет. Ничто не предвещало беды. Время, отмеренное мне судьбой, ещё не истекло, и всё это живое пространство пребывало в недоумении: почему же происходит то, что происходит?

Свет бесконечной жизни внезапно разгорелся ярче. Сферы, парящие в пространстве, запульсировали тревожно, посылая сигнал опасности не только мне, но и вовне — по незримым для меня каналам, ведущим туда, куда я не смел заглянуть, туда, куда должен отправиться лишь в час своего конца. Я ощутил прилив сил — мощный поток энергии устремился ко мне. Под её натиском золотые нити разбухли, утолщились и ещё глубже вросли в моё спящее тело. Затем из небытия возник пучок ослепительного света и начал молниеносный поиск источника сбоя. Я присоединился к этим поискам, используя обострившиеся чувства и дарованное мне зрение, пытаясь обнаружить ту дерзкую силу, что пробивалась сюда, попирая законы, установленные не нами.

Не ведая, сколько минуло времени — мгновение или вечность, — я наконец обнаружил участок пространства, искажённый и изъеденный, словно обрызганный едкой кислотой, испещрённый паутиной тончайших трещин. Дикий, первобытный страх сковал меня. Что-то приближалось. Кто-то шёл именно за мной — не за энергией, что питала меня через золотые нити, а за мной самим! Именно поэтому мне была дарована сила укрепить связь с телом. Эта сила должна была позволить мне противостоять разверзшейся бездне, готовой поглотить меня — моё сознание, мою душу.

С каждым мгновением ужас нарастал. Даже моё тело, лежащее на кровати, отозвалось на происходящее: его прошиб холодный пот, а руки судорожно вцепились в одеяло, словно я был испуганным ребёнком, пытающимся укрыться от кошмарного чудовища, притаившегося в шкафу. Я ощущал уже не просто толчки — теперь это были удары, мощные и безжалостные, будто безумный великан испытывал на прочность скалу, которая, к моему ужасу, оказалась не столь несокрушимой, как мнилось поначалу.

Внезапно удары прекратились. Носящиеся сферы замерли. Я, как и они, застыл в ожидании: что же произойдёт? И столь же неожиданно мощный удар пробил брешь в пространстве. Незнакомый инстинкт, неведомый в настоящем мире, заставил нити жизни максимально усилить связь души и тела. Это причиняло боль, но было необходимо — ведь сейчас через пробитую брешь попытаются добраться до меня самого, вытянуть то, что пульсирует в душе, словно реактор, и составляет мою суть. Поглощение и аннигиляция — вот что меня ожидало, но я приготовился дать бой. Непрекращающийся поток энергии наполнял меня, даровал силы.

Томительное ожидание приближающегося конца накалялось. Дыра в пространстве медленно расширялась, стены кокона осыпались миллиардами чёрных всполохов — и всё вокруг пришло в замешательство. Я чувствовал нутром: что-то идёт не так. Застывшие сферы, будто

не веря происходящему, медленно завертелись на месте, не понимая, почему пустота, словно чёрная дыра, не пытается забрать всю энергию жизни, навсегда запечатав её в себе.

Секунда превратилась в бесконечность, словно всё замерло в преддверии коллапса, но время опомнилось и вновь продолжило свой нескончаемый счёт. «Это всё? Всё закончилось, не начавшись?» — подумал я, ощущая всем естеством пробоину и всматриваясь в неё. Сначала ничего не происходило, а затем в открывшейся ране начала появляться дымка тёмно-оранжевого цвета. Она медленно, словно туман, обволакивала разрушенную скорлупу, а потом с осторожностью, но уверенно начала проникать внутрь и заполнять пространство. Разноцветные сферы оторвались от своих мест и медленно, единым роем, поплыли к тёмно-оранжевому туману, словно пытаюсь понять, что происходит. Я же не мог успокоиться — я чувствовал: как только этот туман доберётся до меня, меня не станет, я не смогу вернуться к своей любимой. Страх начал сменяться беспомощным отчаянием. Мне захотелось плакать. Благодаря нитям я чувствовал тепло Ани, безумно хотел вернуться к ней, обнять её, не отпускать, чтобы этот кошмар закончился.

В это время сферы приблизились к туману, заполнявшему пространство. Едва первая из них коснулась его дымки, как все они разом метнулись ко мне, смыкаясь в плотную, без единого просвета оболочку. Я осознал: сейчас они отчаянно пытаются меня защитить, удерживать здесь, на предначертанном пути. Но мне не нужно было зрение, чтобы понять это, — чувства обострились до предела, выйдя на новый, запредельный уровень: оголённые, словно зубной нерв, они отзывались болью на малейшее воздействие. Нечто чуждое, то, чему здесь не место, окутывало защитный кокон, пытаюсь растолкать сферы и добраться до меня. Я похолодел от ужаса. Оно не уничтожало их и не поглощало, словно бездна, разлитую вокруг энергию жизни. Оно просто искало лазейку. Ко мне. «Почему именно я? Что я сделал?» — приступ паники захлестнул меня. Я замер, боясь издать даже мысленный импульс за пределы защитного купола.

«Нет... нет, нет, нет! Оставь меня! Зачем я тебе нужен?!» — безмолвный крик готов был взорвать всё моё нутро.

В верхней части купола сферы начали расходиться. Если бы здесь существовал звук, я, наверное, услышал бы душераздирающий скрип сопротивления. Они до последнего пытались не подпустить туман ко мне, но нечто с пугающей настойчивостью протискивалось в мельчайшие промежутки между ними. Сами же сферы, теряя свой разноцветный свет, загорались ярким лунным сиянием, которое ритмично то ослабевало, то разгоралось вновь.

Конец казался неизбежным. Слишком быстро пришло то, чему здесь не место. Слишком много у него было сил. «Если бы нечто хотело просто раздавить мою оболочку, оно бы уже сплющило её, как подводную лодку, чрезмерно погрузившуюся на дно океана», — пронеслась ледяная мысль.

Чужая сила действовала аккуратно, но чувствовалась некая нерешительность, и в этом я увидел проблеск надежды. Всё упиралось в золотые нити — в их невероятную для нас, смертных, связь, что обрывается лишь в миг окончания земной жизни. Значит, я ещё жив. Значит, не захватить меня.

«Я не сдамся! — гнев ослепительной вспышкой выжег остатки страха. — Прочь! Я не позволю!» — ярость переполняла меня. Сейчас мне хотелось лишь одного — уничтожить вторгшееся, вышвырнуть его вон из моего пространства!

Просвет между сферами стал шире. Тёмно-оранжевый туман хлынул внутрь спасительной капсулы. Не меняя цвета даже под ослепительным лунным светом, он подступал опасно близко. Чужой. Невероятно сильный. Но он не поглощал разлитую вокруг энергию, не разрушал сферы. Вместо этого туман с неестественной осторожностью раздвигал потоки силы, словно боясь им навредить. И от этой абсурдной, противоестественной бережности стало по-

настоящему жутко. Я вдруг понял, почувствовал это с леденящей ясностью: он знает, что поступает неправильно. Знает — и всё равно идёт до конца.

Туман замер перед моей душой. Бурлившие до этого волны стихли — будто раздумывая. А затем из плотной дымки медленно, нерешительно начали вытягиваться две неоформленные руки. Они росли, тянулись ко мне. Кем бы ни было это существо, оно приняло решение: назад дороги нет! От рук повеяло странным теплом — настолько искажённым, ненастоящим, неправильным, что единственный вопрос бился в сознании: способен ли живой человек испытать такое хоть где-нибудь?

До предела усиливая связь души и тела, я понимал: грядёт самый важный бой в моей жизни. Либо я выдержу, либо оно уничтожит меня! Тёмно-оранжевые ладони мягко опустились на плечи — и жгучая боль пронзила всё моё существо. Разум поплыл. Это не было простым прикосновением — руки проникали вглубь, крючьями впиваясь в самую ткань души, намертво схватываясь со мной, словно при сварке. Их хватка была сродни той связи, что соединяла душу и тело, но в ней не было ничего родного — только неестественная, чуждая боль и липкое отчаяние. И тогда я понял окончательно: меня не хотят стереть в пыль на месте. Меня хотят отделить. Вырвать. Забрать с собой.

«Зачем? Почему?» — промелькнула мысль в угасающем разуме. Боль, пронзившая всё моё существо, не давала сосредоточиться. Из последних сил я пытался сохранить сознание, не поддаться, сопротивляться.

Нечто закончило свою работу. Словно опытная швея, оно намертво связало нас. Эти нити ощущались как чужеродный кровоток, наполненный тёмной, враждебной энергией, готовой отравить меня одним лишь своим прикосновением.

А затем я впервые осознал, что такое истинная агония. Руки медленно потянули меня в клубящийся туман, натягивая золотые нити. Сеть из миллиардов светящихся волокон достигла предела растяжения, и, не выдерживая титанической силы злого существа, они начали рваться одна за другой. Каждый разрыв был подобен вырыванию зуба без анестезии. Контролируемый поток живой энергии, оказавшись в неестественной среде, вырывался наружу и поджигал соседние нити, невольно помогая чудищу разрушить связь души и тела. Бесконечный поток боли не прекращался. Я бы предпочёл потерять сознание, раствориться в пустоте — только бы не чувствовать этого. Я молился Богу, просил у Него спасения и каждой клеточкой души ощущал, что помощь близка. Но всё произошло слишком быстро. Невозможно было успеть.

Я боролся до последнего. Даже когда увидел, как моя душа начинает гореть, а половина нитей стала бесцветной. Я ужаснулся тому, что неизвестная сущность направляет на меня потоки оранжевого тумана, охлаждающего меня, но не сдавался. Во мне жила надежда остаться с любимой, с сыном, прикоснуться к ним, прожить счастливую, отведённую судьбой жизнь. Но чудовище вмешалось в планы судьбы. Сейчас ему было важнее вырвать меня из моего мира, пока другая великая сила не ворвалась сюда и не выгнала негодяя из своих владений, поэтому его не заботили мои чувства и переживания. Любовь заставляла меня не сдаваться, придавала сил в этом заранее предопределённом бою.

Когда осталось меньше половины соединяющих золотых нитей, сила, дарующая жизнь, тоже поняла, что для меня всё кончено. В потоках энергии я почувствовал отчаяние и беспомощность — когда не можешь спасти своего ребёнка от неминуемой гибели. И через мгновение я ощутил последнее благословение. Нет, это была не мощь, способная восстановить утраченную связь, и уж тем более не оружие против невиданного зверя. Это была песня умиротворения — песня, которая заперла боль, прояснила разум. Она помогла смириться с неизбежным. Она дала время — время не для борьбы, а для прощания.

Собрав все силы, через чувства, через оставшуюся, ещё не до конца разрушенную связь, я устремился к ней — к моей любви, умиротворённо спавшей сейчас рядом со мной. К той, кто подарила мне весь свет этой жизни. Теперь я прощался, и моя душа утонула в слезах. Я

просил прощения за то, что меня больше не будет рядом, за то, что не смогу воспитать сына, за всё, что не успел сделать. Лишь на мгновение я увидел её — а затем наступила тьма.

Я не видел и не чувствовал, как резким рывком чудовище вырвало последние нити. Но позже осознание настигло меня — знание о том, как щупальца потянули за собой, погружая в тёмно-оранжевый туман, уволасывая прочь из священной обители в чёрное пространство бездны.

Тяжёлая ночь разума отступала. Искра мысли разгорелась, и я проснулся. Только не в своей постели, рядом с любимой, а в крошечной тьме. Без чувств, без воли.словно перышко, оторвавшееся от птицы, я парил, не понимая, что делать дальше и зачем мой разум всё ещё со мной. Было бы проще исчезнуть, не чувствовать ничего, быть ничем и никем. Меня вырвали варварски из колыбели жизни, и теперь великий океан тьмы поглотил меня, опустил на дно, запер в клетке своего давления. Оно не позволяло двинуться. Сейчас я не принадлежал себе. Да и есть ли смысл думать об этом? Надежды нет, никто не придёт. Я больше не человек Земли. Не частица мироздания. Не начало и конец бесконечного круговорота жизни. Кто же я теперь?

Погружённый во тьму мыслей, я не ощущал хода времени, однако заметил, как постепенно, дно океана начало выталкивать меня на поверхность, и путь этот был долгим и однообразным. Лишь в самый последний миг, на границе перехода, я осознал перемену — от чувств осталась лишь бледная тень. Истерзанная, оголённая и сожжённая оболочка души, как ни пыталась, практически больше не могла воспринимать происходящее.

Внутри меня всё было разбито. Старый «кровоток», по которому текла энергия жизни, оказался полностью уничтожен. Теперь он напоминал древние руины забытых империй — те, что мы можем пытаться воссоздать в своём воображении, но никогда не постигнем их бывшего совершенства. Неведомо сколько времени изначальная сила создавала этот путь, соединяя и совершенствуя его. Он был началом и концом, но теперь его прервали — варварски, бесповоротно. Теперь он никуда не вёл и не мог продолжить сеть судеб.

Взамен ему внутри меня распространялась и встраивалась новая, тёмно-оранжевая сеть «сосудов». Она обходила разрушенные скелеты руин, которые, лишившись энергии жизни, сменили свой цвет с золотого на тёмно-оранжевый.

Рассуждать было тяжело. Мысли не задерживались — перескакивали с одной на другую и тут же забывались, словно я раз за разом просыпался, мгновенно теряя только что увиденный сон. Но раз воспоминания у меня не отобрали, я из последних сил цеплялся за ускользающие образы жены и сына. Что бы со мной ни случилось, я понял: это единственное, что у меня осталось. Единственное, что ещё делает меня мной.

Погружённый в себя, я отдалённо ощутил, как щупальца неведомого чудовища начали сжиматься с огромной силой. «Может быть, оно осознало ошибку, поняло, что я не тот, кто ему нужен, и решило проявить милосердие — наконец убить», — промелькнула безвольная мысль. Но затем сквозь давление проступило новое, странное чувство: в этот раз чудовище не атаковало. Оно защищало. Я ощутил себя маленьким, но неуязвимым космическим кораблём в эпицентре вселенского урагана — с такой неистовой силой нас швыряло из стороны в сторону. Меня мотало и било, словно тряпичную куклу, да так, что пробивалась боль. Слабая, почти призрачная — но я чувствовал её, хотя мне казалось, что я уже навсегда утратил эту способность.

Моментально, словно выключили свет, всё прекратилось. Щупальца стали ослабевать, напряжение, вызванное ими, начало проходить, и мой разум снова начал погружаться во тьму. Но через секунду — мощный толчок сзади, и я полетел, словно метеорит, падающий на землю. В этот момент новая сеть тёмно-оранжевых нитей бурным потоком начала импульсами заполняться чужой, обжигающей, изливающейся энергией — словно врач-реаниматолог выкрутил дефибриллятор на максимум и сотни раз пробует запустить уже давно застывшее сердце. Не восстановленная душа не желала впитывать эту «новую жизнь».

Но всё же благодаря этому я снова начал видеть, а точнее — чувствовать всё происходящее вокруг. Различал излишек энергии, вырывающийся за мной, видел бесконечный тёмно-оранжевый туннель, но после осознал, что это больше похоже на водоворот космического масштаба, в котором моё присутствие было подобно мелкой пылинке, занесённой с другого конца вселенной. Мой разум не мог осознать происходящее — настолько величественно и нереально это было.

Не останавливаясь ни на минуту, «дефибриллятор» снова и снова пропускал через меня энергию. Чужеродная сеть, ещё не до конца выстроенная, начала безумно быстро проникать в неизведанные уголки моей души. И в тот момент, когда она оплела центр, запечатывая и не позволяя выйти наружу всё ещё генерируемую мной живую энергию, она окончательно проросла в меня, стала моей.

Это ознаменовало моё второе рождение.

Глава 4. Темницы тьмы

«Как же холодно... почему так холодно?» — эта мысль, словно ледяная игла, пронзила мой помутнённый разум. Чувства начали медленно возвращаться. Я попытался открыть глаза — ничего не вышло. Попытался пошевелить хоть одной конечностью — тело не слушалось. Оцепенение. Вот что сейчас полностью владело мной.

«Тело? Так, стоп, что?» — не веря самому себе, я никак не мог понять, почему я вообще его ощущаю. «Может, это был сон? Может, всё, что со мной произошло, просто приснилось? Может, у меня был инсульт, и сейчас я лежу в больнице, а весь этот ужас — лишь страшный, очень страшный сон?»

Маленькая надежда загорелась внутри. «Да, это просто сон! Ну какое ещё "нечто" могло вторгнуться в колыбель души и забрать меня? Какие миллиарды нитей, какой тёмно-оранжевый туман? Нет! У меня же были приступы днём! Надо было сразу ехать к врачу! Бедная Аня, она, наверное, сейчас вся в слезах! Обнаружить мужа без сознания... Какая же паника у неё была, бедная моя!»

Обычный порядок мыслей приходил в норму. «Да, я просто сейчас в больнице. На улице весна, ночами ещё подмораживает — вот почему так холодно. Наверное, забыли закрыть окно после проветривания». Паника понемногу отпускала. «Скоро я открою глаза и увижу врачей, которые будут суетиться вокруг, а потом, когда вернётся слух, скажут, что ещё бы минута — и не спасли бы».

Я нервно усмехнулся про себя. «Да, всё хорошо! Точно хорошо, надо просто чуть-чуть восстановиться. Но, блин, почему же так холодно? И почему кровать такая твёрдая?»

Попробовал перевернуться на спину — тело не слушалось. Я по-прежнему лежал на боку, прижимаясь щекой к чему-то невыносимо жёсткому.

Медленно пришло осознание: холод идёт не от воздуха, а именно от поверхности на которой лежу. И едва эта мысль оформилась, как в нос ударил тяжёлый, затхлый запах — гнилостный, с металлическим привкусом. Меня накрыло волной омерзения. «Что за кошмар? Откуда здесь такой запах?» — пронеслось в голове.

От этого запаха хотелось вырвать, но рвотный рефлекс молчал, будто всё в порядке. А запах, заполняющий лёгкие, был нестерпим. Хотелось встать и бежать, чтобы, вырвавшись на свежий воздух, разорвать грудную клетку и соскоблить вьевшийся внутрь смрад.

От запаха меня отвлёк далёкий приглушённый крик отчаяния. И, судя по звукам, он был не один — целая симфония боли из мужских, женских и детских голосов. Я не мог разобрать слов, но понимал: они молят о спасении, молят, чтобы это наконец закончилось. Но самое жуткое было в другом — вместе с мольбами я слышал какофонию смеха. Этот смех безумия эхом отражался от невидимых стен и проникал прямо в сердце. Липкий страх, словно червь, зашевелился внутри, расплываясь и оплетая всё сильнее и сильнее.

Чем дольше я прислушивался, тем громче становились звуки. Безумная музыка ада вливалась в меня, заполняла каждую клетку густым, животным страхом. Я перестал пытаться шевелиться, надеясь, что меня не заметят, боясь, что тяжёлые шаги вдруг замрут рядом и уволочут меня туда, где творится такое, что не покажут даже в самом страшном фильме.

Чем дольше я вслушивался, тем отчётливее проступали голоса. Я начал отделять их друг от друга — различать по полу, по возрасту — и всё яснее выделял из этого хора залиvistый смех тех, кто казался мне палачами. Страшные картины оживали в голове. «Возможно, это ад», — подумал я, осознавая всю безысходность своего положения.

«Бежать! Надо бежать!» — оцепенение лопнуло, остался только животный инстинкт: открыть глаза и бежать! Но тело не слушалось. Сейчас оно было окаменевшим — скованным первобытным ужасом и могильным холодом.

«Ахахах, да куда там бежать, если я даже глаз не могу открыть!» — искру надежды пожрало пламя безумия и отчаяния. «Надо слушать. Да, слушай! Надо понять, что здесь происходит! Надо разобраться!»

Пытаясь не обращать внимания ни на могильный холод, ни на смрад, ни на что-то липкое, стянувшее кожу, я стал слушать. Это был необычный язык — такого я никогда не слышал. Он не походил ни на один из распространённых языков Земли. Грубоватый, но по-своему красивый, и — что самое жуткое — я понимал его так, словно говорили на моём родном. Неизвестные буквы вспыхнули в голове, перемешались, выстроились в слова... но я не мог об этом думать. Потому что сейчас я услышал то, от чего невозможно жить без кошмаров, преследующих каждую ночь.

— Ха-ха-ха, вот так тварь! Ахаха, смотри — где руки?! Больше нет у тебя рук, грёбанный хранитель! — высокий, молодой голос прогремел где-то совсем рядом. В нём звенело торжество победителя.

— Эй, Лиц, гляди, я столько животов вспорол, а впервые пришла мысль накрутить кишки на колесо и посмотреть, сколько наматается! Я в шоке, если честно, не думал, что они такие длинные, — произнёс второй совершенно буднично, словно офисный клерк, наткнувшийся на любопытный баг в отчёте. От этого спокойствия веяло таким ужасом, что кровь стыла в жилах. Палач давно перестал быть человеком. Чужие жизни для него — не более чем игрушки, которые можно сломать, наигравшись вдоволь, а затем купить новые и продолжить свои игры.

— Ха-ха, обалдеть! — это был Лиц, и его подростковый голос заливался смехом. — Касс, хорошо, что ты не кормил его две недели, а то вонь бы стояла страшная!.. погоди, а он что, жив ещё? — с неподдельным интересом спросил он.

— Да... ты представляешь? Живой. Смотри, какие глаза бешеные... — ответил новый голос, низкий и неторопливый, как у солдата, прошедшего через ад. — Грёбанный хранитель, ты посмотри, как он на нас смотрит! А ещё нас дьяволами во плоти называют. Ну да, ну да... Если бы не цепи, ты бы уже давно на нас накинулся! — со злобой проговорил он, но тут же, словно опомнившись, обратился к пленнику уже спокойнее: — Ничего, ваша долгая история закончится здесь, в этой норе, о великие тёмные хранители порога! — последние слова он произнёс с оттенком мрачного уважения к уже поверженному врагу. — А ты как думаешь, Лиц?

— Что-то мне его взгляд совсем не нравится. Сука, если бы не его кости, уже с ума сошёл да помер бы, — писклявым голосом проговорил Лиц. — Так тебя же вроде Эриком зовут, да? Так знай, Эрик, я вчера на глазах твоего сына резал твою жёнушку. Знаешь, так ме-е-едленно... чтобы ни капельки крови не ушло даром. А видел бы ты, когда я начал её зубами рвать — вот умора была! Сыночек-то твой обосрался, рыдал, как мелкая сучка, всё кричал: «Мамочка, мамочка, не делай ей больно!» Ха-ха! А как с твоей шалавой закончил... ух-х-х, как вспомню, что я с пацанёнком вытворял, даже мне жутко от себя становится! А-ха-ха-ха!

Последние слова утонули в оглушительном рёве бессилия и отчаяния. Безумие охватило того, кто сейчас был жертвой. Звон цепей гремел так, будто сотни псов разом рванулись, чтобы разорвать своего врага. Но каким бы сильным ты ни был, ты всё ещё на цепи. Твой максимум — сломать кости, разорвать плоть, но никак не порвать холодную, безразличную сталь.

Лиц всё продолжал смеяться. От этого смеха в голове помутнело. «Это же просто шутка, да? Меня же разыгрывают, да?!» — я не мог поверить тому, что слышу. Это было нереально. «Не может в современном гуманном мире происходить такое — пытки, убийства детей... кишки, мать вашу, на колесо наматывать! Вы издеваетесь? Что происходит?!» Панические мысли захлестнули меня. Страх, неподдельный, будто живой, сковал всё тело, но я не мог ничего сделать. Сейчас я мог только слушать — и сходить с ума от собственного бессилия.

— Ладно, — снова отозвался низкий голос, — насытитесь, и не забудьте всё слить и отнести к алтарю. Скоро прибудет Лорд Аргон. Крови, конечно, уже и так с излишком, но вы сами знаете, как обычно бывает, — холодно закончил неизвестный.

— Да, сэр Виллон, всё сделаем! — покорно отозвался Касс.

А затем я услышал низкий рык, и сразу за ним — влажное чавканье и глухое, мучительное мычание жертвы. Я отчётливо различал громкие, жадные глотки — так пьёт хищник, осушая добычу.

— Ах-х-х, кайф, и отчего же у них плоть такая вкусная, — протянул Лиц, заканчивая свою трапезу.

— И не говори, — всё так же буднично отозвался Касс. — Ладно, думаю, хватит. Давай перевернём его, остатки крови сольём... Эй, Лиц, кажись, наш безрукий того уже.

— Чего?! — негодуя отозвался Лиц. Быстрые шаги показали, что он направился к своей жертве. — Да чёрт его побрал, и правда подох. Блин, теперь нового искать, а я с этим не доиграл! — разочарованно протянул он, а затем с надеждой в голосе спросил: — Эй, Касс, а можно мне тех, ну... с двумя лапушками, которыми Тирия играет? Я бы их тоже...

— Дурак, что ли? — резко оборвал его Касс. — Не смей даже думать об этом, если не хочешь сам оказаться привязанным к колесу. Госпожу Тирию ты, похоже, не так хорошо знаешь, как я. Между людьми и нами она разницы не видит — запытает любого так, что Богу начнёшь молиться. Да и девчонка там уже почти дохлая лежит. Паренёк вроде как ещё даже двигаться может, хотя она столько раз его кусала и резала... странное дело. Наверное, если бы не схватили его, вырос бы этот хранитель, и уж поверь, такие, как он, стали бы настоящим бедствием. — После секунды раздумий он продолжил, но гораздо тише, так что я сам еле-еле расслышал, хотя мой слух был накалён до предела: — Я вчера видел, как она ему ногу вскрыла, кость оголяя, и краем глаза заметил, что у него уже такие же руны и вибрация, как у взрослого хранителя. Представляешь? — закончил он.

— Да ну, серьёзно? Хм... ладно, послушаю-ка я твоего совета, лучше мне с ними не связываться, — покорно принял совет Лиц. — Давай тогда с этих обоих всё до конца сольём, в хранилище зальём, а потом к Зону сходим.

— Вот это ты правильно сказал! — поддержал его Касс. — Может, ещё какое-нибудь оружие получится выпросить. Вот не понимаю я: разворошили всё, стены поносили, всё обыскали, ища тайные проходы, но ни одной кузницы так и не нашли. А мечи какие? Ты видел? — в его голосе разгорелась страсть. — А кинжалы! И столько новых, девственных клинков... ммм, загляденье, одним словом. Баланс потрясающий, чёрная сталь — хоть обрубись, ни единой зазубрины. А острота... неудивительно, что головы наших отлетали, словно у одуванчиков. Где же они их брали? Ты ничего не слышал об этом?

— Нет, мне и самому было интересно, но, похоже, даже верхушка ничего не знает. Оттого и прочёсывают все пути, — ответил Лиц. — Может, ещё какое у них укрытие было, но я в это не верю. Всех говнюков переловили, и разведка о том же говорит.

— Вот и странно всё это, — с ноткой недовольства в голосе закончил Касс, а затем резко бросил: — Ты чего, ещё не закончил?

— Да-да, сейчас, мигом! — заторопился Лиц. Я услышал скрежет какого-то механизма, глухой стук поставленного ведра, а затем — отвратительный звук льющейся в него крови.

Они закончили свои дела, и я услышал их поспешные удаляющиеся шаги. Но стихшие шаги не унесли за собой стоны, взывания к Богу, мольбы и разрывающие барабанные перепонки крики боли. Воображение рисовало чистилище с монстрами, упырями, вурдалаками и ещё невесть какой тварью, устроившими настоящее пиршество греха и безумия.

Пытаясь переварить всё это, я полностью сосредоточился на звуках и не заметил, как тело само начало немного двигаться. Оно словно пыталось разогнать остатки крови, что ещё теплились в венах, чтобы хотя бы немного согреться. Вернула же меня от жутких картин к

реальности сильная, болезненная, зудящая вибрация внутри моего тела — а именно, исходящая от скелета. Она была повсюду: в руках, ногах, голове и позвоночнике. Эта вибрация будто сигналила об опасности, словно личная сирена, и в то же время помогала согреться уже совсем окоченевшим конечностям.

Переключившись на новые ощущения, я снова попытался сдвинуться с места, но тело действовало само, игнорируя мою волю. Правая рука судорожно зашарила по полу. Пол был склизким, неприятным, холодным. В какой-то момент пальцы резко сомкнулись на чём-то — и я понял, что держу чью-то маленькую, ледяную ладошку. Моё сердце замерло. Сейчас больше всего я желал, чтобы веки не открывались. Я боялся увидеть то, что лежало передо мной. Но тело не слушалось.

И веки медленно поползли вверх, открывая затуманенные, словно у новорождённого котёнка, глаза.

Глава 5. Беспомощный наблюдатель

Сквозь пелену я начал различать силуэт того, кого держал за руку. Боль резанула обезвоженные глаза, будто в них впились тысячи песчинок, но тело не слушалось меня. Движимое чужой, инстинктивной волей, оно продолжало мучительно промаргиваться и восстанавливать зрение. Через полминуты этого ада — закрыть, открыть, закрыть, открыть — я наконец увидел.

И ледяной холод разлился по телу и душе. Ведь сейчас передо мной лежала девочка. Маленькая девочка лет восьми...

Её лицо было цвета бело-серого мрамора. Бледные, тонкие губы покрыты страшными, потрескавшимися от обезвоживания ранами. Молодая кожа лица была иссечена беспорядочными мелкими порезами, словно скульптор, создав шедевр, решил изуродовать его, чтобы никто не посмел возжелать. Чёрные брови и длинные ресницы резко контрастировали с лицом, словно тьма и свет, сошедшиеся в последней схватке. Она была подобна фарфоровой кукле, из которой смерть уже почти выпила всю жизнь. И только едва ощутимое тепло её ладони говорило, что в этом маленьком ангеле всё ещё теплится очень слабый уголёк жизни.

Взгляд перешёл на её руки — тонкие, как стебельки молодой берёзки. Почему-то лишь их одних и не тронуло то чудовище, что сотворило с ней такое.

Её образ навечно запечатлелся во мне. Я отказывался верить, что подобное вообще может быть. Не может такой маленький человек, не повидавший в своей жизни абсолютно ничего, перенести это. «Это несправедливо! В чём она виновата? За что с ней так? Бедное маленькое солнышко!» — что-то внутри меня разорвалось, изменилось, перестроилось. Увиденное не проходит бесследно. Я не понимал собственных эмоций, да ещё был заперт в теле, которое меня не слушается. Зачем я здесь? Что вы мне хотите показать? Всё, что мне оставалось, — это смотреть на мир чужими глазами.

Мой взгляд вцепился в губы девочки. Они едва заметно шевелились. Казалось, она силилась что-то сказать, но воздух будто и вовсе не выходил из лёгких. Она была подобна рыбе, выброшенной на сушу и беззвучно хватающей ртом пустоту. Надо услышать. Надо прочитать по губам. Превозмогая жгучую боль, пронзившую тело, тот, кто сейчас управлял мной, начал поддвигаться к ней, пока наши лбы не соприкоснулись. Левая рука приподняла её голову, а правая обняла за плечи.

И только сейчас я осознал это со всей ясностью. Это не я. Я был заперт в ком-то другом. Но почему-то ощущал каждое его движение, чувствовал всё так, будто сам совершал эти действия, будто я с ним одно целое. Мальчик, ставший моей клеткой, судорожно прижал малышку к себе и прошептал сорванным, умоляющим голосом:

— Не умирай.

И этот голос эхом отразился во мне.

Сознание на миг померкло, а затем меня накрыла волна беспомощности и негодования. «Да что же вы, суки, сделали?! За что вы с ними так?! Бедные дети!» — мой безмолвный крик разорвал тишину, но его никто не слышал. Негодование сменилось яростью. Мне хотелось спасти их, забрать отсюда, закрыть собой, но сейчас я был никем и ничем — бессильным наблюдателем, беспомощно мечущимся, словно дикий зверь в клетке чужого тела.

— Прости меня... мы обязательно спасёмся... пока ты спала, я... кха-кха, — его накрыл приступ мучительного кашля. Откашлявшись и отдышавшись, он продолжил: — Я молил нашего Бога о силе, о спасении. Ты ведь знаешь, он добрый, он обязательно поможет, приведёт твоих маму и папу, они нас спасут... надо... чуть-чуть потерпеть... Я просил о силе уничтожить их всех, я всех убью, обещаю, буду биться всю жизнь с этими чужаками.

Я ощущал его лицо. Сейчас мальчик плакал, но слёзы не шли — их не осталось.

И словно молния ударила меня. Я уже был здесь, я уже чувствовал это всё, но тогда я не мог видеть. «Мои приступы! Да, как тогда и сейчас, я был заперт в теле, так же не мог контролировать свои конечности, мог только чувствовать страх, накрывающий с ног до головы, высасывающий из меня всё живое... Дети, сколько вы здесь?» Мой вопрос остался без ответа, но я уже понял, что для них время текло иначе. Их муки были подобны вечности. Детская надежда давно умерла, но мальчик всё ещё отчаянно желал спасти эту маленькую беззащитную девочку, хотел подарить ей хотя бы крохотный лучик тепла.

Мальчик приподнял голову. Наш взгляд упёрся в открытую настежь решётчатую дверь, что вела в тускло освещённый коридор. Она словно насмехалась: «Ну попробуйся, дружок. Ты уже знаешь, чем всё кончится». Затем он медленно обвёл глазами камеру, и у меня перехватило дыхание.

«Это настоящий ад?» — только и смог подумать я. Мы лежали среди горы трупов. Мужчины, женщины, дети... Их переплетённые, изувеченные, обескровленные тела были свалены друг на друга. Кто-то лежал совершенно голый, кто-то в лохмотьях. Кто-то без рук, а кто-то и вовсе без головы. Разум пошёл кругом. Казалось, за эти чудовищные минуты я выучил все оттенки отчаяния, все его тона. Я был не готов, но меня никто не спросил. Меня просто бросили сюда, как и всех этих бедных людей, ставших жертвами настоящих чудовищ.

«Что сделали эти люди? В чём они были виноваты?!» — пронёсся мой немой вопрос. «Неужели и сейчас, в наше время, существует такая сторона жизни?»

В школе и университете ты изучаешь историю. Знаешь и про пытки, и про ужасное слово «геноцид». Но когда читаешь об этом в учебнике или слушаешь лекцию профессора, всё это кажется чем-то далёким и нереальным. Я никогда не увлекался подобными темами. А если вдруг наткнулся в телефоне на статью с ужасными фотографиями — просто пролистывал ленту, стараясь не пропускать через себя всю эту боль и страх. Для меня это было пережитком прошлого. Мир давно изменился, в нём не осталось места такой жестокости. Да, конечно, есть исключения — маньяки, убийцы... но то, что развернулось сейчас передо мной, было иным. Настоящей чудовищной правдой. Смерть здесь поставили на поток. Пытка. Агония. И этим было пропитано всё вокруг. Крики людей всё так же вонзались в уши, этот звук никуда не исчез.

Передо мной лежали люди — люди со своими мечтами, семьями, переживаниями. И что бы они ни сделали, они не заслуживали пройти через всё, что здесь испытали. Сейчас они были лишены даже последнего — права быть погребёнными в земле, вернуться в круговорот жизни. Здесь их удел — медленно гнить на корм крысам и насекомым. «Ищут ли их?» — снова задался я вопросом.

Пытаясь осмыслить увиденное, я внезапно понял то, о чём раньше никогда всерьёз не задумывался: в мире есть место не только счастью. Варварство идёт с ним рука об руку. Оно здесь — в таких вот тёмных, лишённых даже лучика надежды местах, где рассудок медленно угасает, а ты просто ждёшь своей очереди быть убитым.

В моём мире жизнь — это путь, на котором, конечно, встречаются трудности. Ты преодолеваешь их один или с близкими людьми. Ты растёшь, получаешь знания, заводишь семью, воспитываешь детей, а потом и внуков. И только в конце осознаёшь, какой долгий, но мимолётный путь ты прошёл, и что дарованное тебе время скоро закончится. Ты покидаешь этот мир с чувством, насколько прекрасной была твоя жизнь. Но здесь, в этом аду, ты вдруг прозреваешь и видишь, насколько был ограничен, насколько не понимал жизни. Ты смотрел только на свет, никогда не заглядывая во тьму.

А сейчас я заперт в теле ребёнка, который пропитан болью — не только физической, но и душевной. Он до ужаса боится потерять единственное, что у него осталось. Ту, что сейчас лежит в его холодных объятиях, словно маленький ангел, в котором уже не осталось детского огня. Всё погасло. Осталось только быстро растворяющееся тепло. Ещё мгновение — и

она сделает последний вдох и покинет этот мир. Истерзанная, сломленная. Её детские мечты никогда не сбудутся, они сгниют здесь вместе с ней. Она никогда не ощутит тепло родителей, бабушек и дедушек. Никто больше не прочтёт ей сказки и не проводит во взрослую жизнь.

Надеюсь, останутся те, кто будет помнить её, тосковать по ней. Но, вспоминая разговор палачей, я понимал: все, кто мог хранить память о девочке, возможно, уже лежат здесь, перед глазами мальчика, который до ужаса боится остаться один в этом царстве боли.

Взгляд мальчика снова вернулся к девочке. Он наклонился ухом к её губам. Они уже не шевелились, не пытались ничего сказать. Казалось, всё кончено, и лишь редкие, едва уловимые вдохи ещё свидетельствовали о теплящейся в ней жизни.

Меня же разрывала нестерпимая боль. Если бы я мог плакать, я бы сейчас рыдал. Был раненным зверем. Но я не мог. Я всего лишь наблюдатель, непонятно как здесь оказавшийся. Для чего я должен был всё это видеть? Зачем я здесь? Чтобы мне показали: настоящее отчаяние — это не когда твою душу отрывают от тела и уносят прочь от родных? Настоящее отчаяние — вот оно, передо мной. Тогда, в самый страшный миг, я чувствовал Бога. Чувствовал, как Он хочет меня спасти. Но здесь нет ничего. Это не чистилище, где грешников очищают искупляющим огнём. Дети, лежащие тут, не могли за свою короткую жизнь сотворить такого зла. Здесь — убойный конвейер. И у штурвала стоят монстры. Не из сказок и не из фильмов — настоящие, живые, в которых не осталось места ничему святому.

Тело пронзила знакомая вибрация боли. Мальчик резко дёрнулся, и мы оба начали всматриваться в тускло освещённый проём. За ним тяжело было что-либо различить — воздух там будто сгустился в колышущуюся, непроглядную завесу.

Через несколько секунд тишину разорвал стук каблуков. Цок-цок-цок — звук отражался от стен, равномерный и неумолимый. Я почувствовал, как волосы на голове мальчика зашевелились. Я словно сам перестал дышать, инстинктивно боясь выдать наше присутствие. Лишь бы тот, кто приближается, не почувал нас. Остановился. И ушёл обратно, откуда пришёл.

Клубы темноты, словно живые, начали расползаться в стороны, и из проёма выступила женщина неземной, пугающей красоты.

«Что за чёрт?.. — мысль на мгновение застыла. — Это что, какая-то шутка? Они тут устроили бойню и ещё вырядились как косплейщицы? Что вообще творится у них в голове?» — мой рассудок судорожно пытался найти хоть какое-то знакомое объяснение этому кошмару.

Но объяснения не было. Сейчас эта женщина казалась более нереальной, чем гора трупов в нескольких метрах от нас.

Её лицо, бледное как мрамор, выглядело высеченным из холодного камня — безупречные, лишённые всякой теплоты живого существа черты. Длинные платиновые волосы волнами ниспадали вниз, обрамляя призрачное лицо и контрастируя с абсолютной белизной кожи. Из-под серебристых прядей выглядывали острые, нечеловеческие уши — те самые, что рисуют в фэнтезийных фильмах. Но эти были настоящими. Глаза напоминали два колодца тьмы в окружении густых чёрных теней. Белки, пронзительно-светлые, почти светящиеся в полумраке, лишь усиливали это жуткое сходство.

Наряд чудовища облегал фигуру как вторая кожа. Верхняя часть была расшита изящными серебристыми узорами — тонкими линиями и неизвестными мне рунами, что спускались по центру. Высокий ворот полностью закрывал шею, а плечи венчали массивные наплечники из тёмного металла с острыми, направленными вверх шипами. Длинные рукава плотно облекали руки, заканчиваясь тяжёлыми металлическими браслетами с тусклой серебристой окантовкой. Пальцы украшали длинные, когтеобразные наконечники — казалось, они были продолжением самого платья. Талию перехватывал широкий пояс из кожи и металла, от которого расходились асимметричные пластины брони: острые и зубчатые. Юбка, состоящая из множества слоёв тёмной, струящейся ткани, ниспадала до самого пола, а глубокие разрезы по бокам открывали стройные ноги.

Её хищная ухмылка обнажила острые, как бритвы, клыки, растущие в несколько рядов и заполнявшие почти весь рот — да что там рот, самую настоящую пасть. Губы и подбородок были перепачканы свежей кровью, словно она только что рвала сырую плоть. В уголках рта запеклась тёмная корка, а хищный, оценивающий взгляд скользнул по нам, будто выбирая следующую жертву для своих игр.

Сейчас я очень сильно переживал за мальчика. Всё его тело была крупная дрожь, зубы выбивали частую дробь. Я почувствовал, как холодеют и без того ледяные руки и ноги. Он ещё крепче прижал к себе девочку. А боялся остаться беспомощным наблюдателем того, что сейчас здесь развернётся.

— Лапушки мои, сладенькие мои, как вам спалось? — заговорила она чарующим мягким голосом, словно мама, будящая любимого ребёнка. — А я вам подарочки принесла. А ты, солнышко моё, подготовил подарок для меня? Ха-ха-ха, — нежным смехом закончила она.

Мальчик очень больно сглотнул, сдерживая рвотный позыв пустого желудка. Внутри всё похолодело. Дрожь была такой сильной, что, казалось, даже девочка в его руках ощущала эту вибрацию ужаса.

— Ну и что мы молчим? — резко, грубо, повелительно спросила она. — Или тебя снова нужно заставлять говорить?

— А-а-а... я... ммм... — только и смогло вырваться из уст мальчика.

— А-ха-ха! — снова залилась нежным смехом чудовище.

«Да, вот как выглядят настоящие чудовища, — пронеслось у меня в голове. — Они красивы, словно богини, но внутри у них только адские черви, гной и разложение. Вот что такое истинное отродье!»

— Лапушка мой, что такое? Ты не рад меня видеть? А я так скучала, — проворковала она и раскинула руки в стороны, будто сказочная фея, встретившая бедных путников. Жест вышел очень грациозным, тело изогнулось гибко и плавно. На краткий миг она действительно показалась прекрасной — и от этого становилось ещё страшнее.

Всё происходящее казалось неправильным, ненастоящим. Величественно переступая через трупы, к нам направлялась настоящая эльфийка-чудовище. Диссонанс в голове стоял такой, что я снова попытался убедить себя: «Это всё мираж. Галлюцинации, которые передаются мне от мальчика». Но реальность ударила мгновенно. Она молниеносно, словно кошка, подскочила к мальчику и грубо, до боли сжала его челюсть. Если бы я мог говорить, я бы вскрикнул. Но мальчик стерпел — не проронил ни звука.

— Ну что, — произнесла она резким, грубым голосом, — накормишь меня, мой сладкий? — Её взгляд, казалось, пронзил нас обоих. Она сморщилась и приблизила лицо так близко, что я ощутил её гнилое дыхание. — Какой-то ты сегодня другой. К тебе кто-нибудь приходил?

Мальчик отчаянно замотал головой.

— Ты мне не врёшь? — с шипением выговорила она. — Потому что знай... — она отодвинулась, разжала хватку, и челюсть мальчика безвольно опустилась. Затем Тирия медленно, аккуратно полезла в карман и вытащила запечатанный сосуд с жидкостью тёмно-алого цвета. — Если я узнаю, что ты меня обманываешь, то больше этого не принесу.

Всё тело мальчика пронзил судорожный импульс. Дрожь прекратилась, и он взмолился:

— Госпожа Тирия, пожалуйста, прошу вас, дайте ей лекарство... молю вас!!! — слова вырывались наружу, давясь сдавленным комом. — Прошу, вы слишком увлеклись в прошлый раз, молю, дайте ей лекарство и отпустите её! Рвите меня, делайте со мной что хотите, но дайте ей жить!

Отчаяниехватило его полностью. Он просто хотел спасти ту, что сейчас делала всё более редкие вздохи, чьё сердце билось всё тише. Страх за неё затуманил его взор, но я-то видел её лицо. Оно отражало лишь полное безразличие и скуку.

«Сколько же ты, тварь, повидала такого? Сколько раз ты так же мучила других, что сейчас испытываешь усталое равнодушие»

Что-то вспыхнуло во мне впервые в жизни. Захотелось схватить своими руками тонкую шею этой женщины, сжать её с той же силой, с какой она только что сжимала челюсть мальчика, и увидеть, как в её глазах проступает животный страх. Внутри что-то сломалось. Не прошло и часа, а я уже понял: мой гуманизм возможен где-то далеко, но не здесь. Применим ли он вообще к такой твари, как она? Нет. Такие, как она, не должны жить! И пусть круговорот ненависти запустится снова, пусть не будет у этой ненависти ни начала, ни конца — сейчас мне плевать!

— Ну вот ты опять за своё, — отрешённо сказала она. — Мне уже начинает надоедать общение с тобой. Если бы не твой восхитительный и будоражащий вкус... — её руки затряслись, как у запойного пьяницы, лицо покрылось тёмно-синими венами, глаза налились кровью, словно ещё мгновение — и она разорвёт мальчика на куски. — Уже бы гнил ты здесь вместе с девчонкой! — с дьявольской злобой выплюнула она. — Вы, твари, хуже нас! — прищурившись, продолжила она. — Настоящие монстры этого леса! Но вы были монстрами. А теперь вы никто. Мы вас до последнего перережем, как свиней! Но ты... — её облик снова неуволимо изменился, став добрым, почти материнским, и только в глубине глаз всё ещё плясали безумные искры. — Но ты мне нравишься... да-а-а... очень нравишься. Я бы сделала тебя одним из нас, но твои проклятые кости не могут принять настоящий дар леса, — с искренним разочарованием закончила она. — Скоро всё закончится, потерпи немного. Сейчас придёт Лорд Аргон, осуществит задуманное, и вы станете историей, байкой, которую старые бабки будут читать перед сном своим внучатам. А теперь дай свою руку, если не хочешь, чтобы эта колба полетела в стену. Я не люблю, когда сопротивляются.

Мальчик безвольно протянул руку, и в тот же миг клыки вонзились до самой кости. Губы примкнули к коже, и эта бестия, закатывая глаза от наслаждения, провалилась в наркотический экстаз. Всё её тело изгибалось, словно в сладких конвульсиях. Я чувствовал, как из тела мальчика стремительно уходят скудные остатки крови, чувствовал, как вместе с ним у меня начинает кружиться голова. Тело готово было превратиться в лёд, но чудовище знало, когда остановиться. Она уже не была молодой — такой опыт не пропёшь.

Медленно, с видимой неохотой она ослабила хватку и вытащила зубы из детской плоти. Но прежде чем отстраниться, резко, словно хищник, рванула головой в сторону, выдирая из раны небольшой кусок мяса. Раздался влажный, отвратительный хруст. Тирия замерла на мгновение, а затем принялась сосредоточенно пережёвывать плоть, издавая чавкающие звуки. И только проглотив, она удовлетворённо опрокинула голову назад.

Сейчас я словно провалился в тело мальчика, перестав быть просто наблюдателем. Чувства, которые, как мне казалось, уже вернулись, накрыли меня с новой силой. Я и представить не мог, что его тело — это сплошное поле из боли. Но сильнее всего горела последняя рана — та, что только что оставила Тирия. Она пульсировала огнём, словно в распоротую плоть плеснули расплавленного металла. Каждый толчок сердца отдавался в ней новой вспышкой агонии.

Но вместе с этим слиянием я будто передал ему часть собственной силы. Голова перестала кружиться, по телу снова разлилось тепло. И оставалось только благодарить всех богов за то, что это пьяное от крови чудовище ничего не замечает, поглощённое собственным наслаждением.

Откинув руку мальчика, она склонилась над девочкой.

— Ой, а ты что, не заметил? — она схватила её своими мерзкими пальцами за волосы и резко потянула вверх. — Так она уже сдохла, ха-ха. Вот и сказочке конец, да? — с издевательским весельем произнесла она.

Сердце остановилось. Чёрный туман поглотил его, душа пошла трещинами. Это был конец. Нас начало заливать холодом пустоты. Эмоции мальчика захлестнули меня с головой,

и сейчас я — взрослый человек, даже не знавший имени этой девочки, — был готов прыгнуть с обрыва, лишь бы всё это прекратилось.

В этот миг мальчик резко вцепился себе в шею, пытаясь отросшими, грязными ногтями разорвать и без того почти пустую артерию. Но я — неведомым мне самому образом, вложив откуда-то взявшуюся волю, ставшую неизвестной энергией, — перехватил контроль над его рукой и остановил её в самый последний момент. Пальцы замерли в миллиметре от кожи. Мальчик ошарашенно уставился на собственную ладонь, не понимая, что произошло.

Это заметила Тирия. Она с омерзительным хрустом швырнула девочку на пол. Удар пришёлся головой о камень — раздался влажный треск, и из-под спутанных волос тонкой струйкой потекла тёмная кровь. Чудовище метнулась к мальчику и, исказив лицо яростью, прошипела:

— Что ты задумал, а?!

Она одним движением вскрыла колбу, грубо, до хруста челюсти, схватила мальчика за лицо и насильно залила жидкость ему в рот.

— Пей! Пей, щенок! — с лютой ненавистью цедила она. — Ты так просто от меня не отделаешься! Ты мой! Мой! Понял?! — яростный вопль эхом разнёсся по камере.

Неизвестное снадобье обожгло горло жидким огнём. Упав в пустой желудок, оно начало всасываться почти мгновенно, разливая по телу волны обжигающего, неестественного жара. В висках застучало, перед глазами всё поплыло, и спустя несколько мучительных секунд мы провалились в беспамятство.

Глава 6. Воля человека

Мы очнулись, но продолжали лежать неподвижно. Казалось, прошла целая вечность — мгновение растянулось в бесконечность, застывшую между одним вдохом и следующим. Хотя я чувствовал, что если бы мальчик захотел, он смог бы встать и даже пойти. И даже каменный холодный пол больше не впивался в нас ледяными когтями — между ним и телом будто пролегла незримая, непроницаемая плёнка. «Наверное, это из-за той жидкости, которую заставили выпить», — подумал я.

Криков становилось меньше. Теперь среди общего гула боли я начал различать отдельные слова. Одних под пытками допрашивали о тайных тропах, других — о свойствах растений какого-то леса под названием Алиус. Особенно ярко среди палачей выделялись знакомые мне Лиц и Касс. Мерзкий хохот и высокий голос Лица резал уши хуже любого ножа — этот визгливый, захлёбывающийся смех стал первым звуком, услышанным мной в этом чужом, проклятом месте. А голос Касса пугал иначе: своей обыденностью. Сейчас он звучал так, будто посетитель в кофейне делал заказ, но слова произносил совсем другие:

— Я вырвал тебе один глаз, скоро вырву и второй. Если не хочешь, чтобы я перерезал тебе глотку, — скажи, откуда у вас такое оружие? Молчишь? Хорошо, сейчас займусь вторым глазом.

Было ещё много других голосов — у меня получилось разобрать с несколько десятков. Почему-то у меня отлично получалось их запоминать. Я думал, что в таком месте рассудок покинет меня, и, возможно, случись это в моём настоящем теле, так бы и вышло. Но, к собственному удивлению, мой разум принялся раскладывать всё по полочкам: я машинально считал шаги палачей, прикидывал расстояние между местами пыток, запоминал имена и то, о чём допрашивали.

Также я был удивлён, что почти половина мучителей — женщины. Их голоса не были такими же волшебными, как у Тирии. Некоторые из них даже сложно было отличить от мужских — слишком низкий и грубый. Все они были безумцами, все они были мучителями. Можно ли их назвать людьми? Едва ли. Всё человеческое в них давно сгнило, и сейчас этот смрад заполнял это место.

Также я пришёл к выводу, что место, в котором мы находились, было довольно огромным. Однажды я зафиксировался на голосе, который отчеканил, словно настоящий солдат: «Разрешите выйти наружу, необходимо всё подготовить, скоро приедет первое отделение с Графом Аргоном». Мой счёт оборвался на двухстах тринадцати шагах, и я не понимал: то ли слух мальчика такой чувствительный, то ли из-за того, что я здесь как наблюдатель, то ли из-за акустики самого помещения, отражающего и усиливающего все звуки. А звуков тут было море — от стекающей жидкости до поворотов рычагов, после которых раздавался лязг стали и последующая прокрутка колеса. Я уже понял, что это означало: всё, что можно было выпытать, закончилось, и теперь человек, прикованный цепями к колесу, находится головой вниз, и остатки его крови льются в ведро. Которое, как выяснилось, унесут в резервуар.

Было огромное количество людей, прикованных к орудиям пыток, — и многие из них не проронили ни слова. Никакая боль не смогла вытянуть из них ни крупинки знаний, которыми они обладали. Часто гнев брал верх над палачами именно от этого бессилия, и тогда они убивали свою жертву, так и не добившись ответа. В какой-то момент я осознал, что по-настоящему восхищаюсь этими несломленными.

Странно было слышать от монстров фразы, полные злобы: «Вы демоны! Если бы не ваши проклятые кости, я бы давно каждого разговорил!» — рычал один. «Грёбанные хранители, сколько же наших вы положили!» — вторил другой. «Теперь вы не хозяева этого леса! Никто больше не будет бояться вас, слышишь?» — кричал третий, пытаясь убедить в этом

скорее себя, чем свою жертву. «Скажи, какому богу вы продали души, чтобы стать такими? — с особой яростью выпалил один из палачей. — Вы приносили в жертву людей, чтобы обрести её? Отвечай!»

Проклятья сыпались на хранителей словно водопад, но за каждым из них пряталось одно и то же чувство — зависть, смешанная с животным ужасом перед теми, кто даже в цепях оставался непокорённым.

Жутко становилось в те моменты, когда единственными голосами оставались вопли палачей. Почти на каждом колесе сейчас находились те самые «молчаливые», как их здесь называли, — хранители. И на фоне их мёртвого молчания слышалась только односторонняя, бессилая ярость: работа пыточных механизмов, льющаяся кровь и лязг стали. И в этом шуме ты вдруг понимал: все проклятия, всё, что выкрикивают мучители, — это обман.

Как говорил Оскар Уайльд: «Я слышал о вас столько худого, что не сомневаюсь: вы — хороший человек».

Возможно, если бы я знал всю историю этой войны и не находился здесь, я бы задумался: может, враги в чём-то и правы. Может, у них есть оправдание. Но я всё слышал. Я видел горы трупов. Видел эту чёртову эльфийскую упырьшу...

А теперь вдруг понял: да, я хватался за всё это, лишь бы не думать о ней. О той маленькой, бедной девочке, что лежит сейчас в паре десятков сантиметров от нас. Холодная. Истерзанная. Одинокая. Мёртвая.

Если бы сейчас я был во плоти, в горле стоял бы ком, а из глаз беспрерывно текли слёзы. Моё тело содрогалось бы в рыданиях, и я понимал бы, что нахожусь на грани — ещё мгновение, и я рухну на колени, чтобы завывать раненым зверем. Но когда я думал о ней, мысли тут же перескакивали на мою семью. Как бы Аня отреагировала, узнав, что такое сделали с Ваней? Сошла бы с ума или ушла бы вслед за ним? О себе я не думал. Я знал: случись такое с моим сыном, я бы не раздумывая полез в петлю.

Невозможно было представить, что испытывала эта девочка. Как ни пытался я вообразить её последние дни, я не мог. Я слишком ограничен. Всю жизнь я наслаждался красотой мира и был окружён любовью близких. И даже теперь, видя и слыша всё это, я отказывался верить. Не мог принять, что это не чья-то злая иллюзия, не компьютерная симуляция, а настоящая, реальная жизнь — жизнь тех, кому судьба уготовила этот путь.

В момент моих размышлений я чувствовал пустоту этого бедного мальчика, в теле которого сейчас был заперт. В нём не осталось ничего. Сосущая пустота, словно чёрная дыра, поглотила его целиком. Сейчас он стоял на грани — но не безумия, не гнева и не принятия своей судьбы. Нет, это была иная грань. Та, за которой уже нет ничего. Это ощущение отдалённо напоминало мой собственный страх, когда я думал, что чудовище уничтожит мою душу, сотрёт меня в абсолютное ничто, но сейчас я чувствовал желание этого ребёнка просто исчезнуть. Раз и навсегда.

Когда мальчик надолго задерживал дыхание, словно пытаясь оборвать его навсегда, по телу прокатывалась волна костяных вибраций. Но не такая, как при появлении эльфийки — резкая и болезненная. Эта вибрация была иной: спокойной, успокаивающей. Она словно стирала саму грань, за которой начиналась смерть. Я чувствовал, как после каждой такой волны мой разум обретал неестественную, почти вулканскую ясность. Да, я становился похож на Спока из старого сериала «Звёздный путь» — та же способность мыслить системно и отстранённо. Но с одним важным отличием: эмоции не исчезали.

Они не выключались, а перестраивались. Как будто неведомый механизм внутри мальчика раскладывал этот бушующий хаос на отдельные составляющие, оставляя в каждый момент лишь одну, самую сильную эмоцию. И едва она приближалась к опасной черте, способной сломать рассудок, навстречу ей поднималась другая — и они сталкивались. Происходил взрыв, в котором обе теряли свою разрушительную силу, гасили друг друга. В этом не было

безумных, абсурдных качелей, когда за страхом следует неуместная радость. Нет, всё было тоньше, рациональнее. Страх смешивался с растерянностью, и от их столкновения по телу разливалось тепло, заставляя сжатые сосуды снова пульсировать. А накалившаяся до предела апатия, готовая перейти в вечный холод, сталкивалась с отчаянием — и в этом взрыве разум получал короткую передышку, возвращаясь в какое-никакое, но всё же работающее состояние.

Сейчас я не до конца понимал принцип работы этих вибраций, но был уверен: это какой-то встроенный механизм регуляции. Не превращающий человека в бездушную машину, а помогающий здесь и сейчас не сойти с ума, заставить мозг работать — пусть даже хаотично, пусть ошибочно, но мыслить.

«Сколько мы уже так лежим?» Я поймал себя на мысли, что воспринимаю себя и этого ребёнка как единое целое. Пусть он, кажется, и не подозревал о моём присутствии, я был связан с ним. Чувствовал его боль. Чувствовал его эмоции. И даже каким-то чудом остановил его руку, уже занесённую, чтобы оборвать этот кошмар. И чем дальше, тем чаще я задавался вопросом: а правильно ли я сделал? Имел ли я право так же варварски, как и эта эльфийка, решать, что ему можно, а что нет? Я с ним всего лишь краткий миг его бесконечной муки и не видел ничего из того, что было до меня. Возможно, ему стоило уйти вместе с ней — вслед за девочкой. Мои убеждения о грехе самоубийства и священности жизни рушились, как песочный замок под волной. Здесь не было Бога. Здесь не было и намёка на его благодать. И я всё отчётливее понимал: возможно, его порыв был самым правильным. Возможно, вернее было всё прекратить самому, чем закончить свою жизнь под пытками от чужих рук.

Думая обо всём этом, я неожиданно услышал шёпот мальчика: — Великий Бог Кайрос... — он открыл глаза и уставился на мёртвую девочку. — Молю тебя, сбереги её душу. Пусть в твоей обители она обретёт счастье и встретит семью. Я знаю, ты не сможешь дать мне того, о чём я просил раньше... Но пожалуйста, молю тебя — сбереги её. Пусть она забудет этот кошмар и останется в твоих объятьях...

Одна-единственная слеза скатилась из уголка его глаз. Это было всё, на что сейчас оказалось способно его иссушенное тело. Но эта слеза стала символом его веры и надежды. Именно она вырвала его сейчас из бездны тьмы.

Он приподнялся, склонился к ней и, поцеловав в маленький лобик, произнёс:

— Спи, моя радость, скоро мы встретимся. Я... — ком в горле заставил его запнуться, но он закончил: — Я люблю тебя. Прости, что не уберёг.

Он встал перед ней на колени и заплакал без слёз. Это продолжалось около минуты. Затем он собрался и решил подняться. Я не знал, что он задумал, и всем своим существом похолодел от страха за него. Я молился лишь об одном: чтобы сейчас он не выбежал к палачам с криками проклятий, за которыми последовал бы один конец — неминуемая гибель.

Но, поднявшись, он немного постоял, пытаясь прийти в норму. Головокружение было таким сильным, что казалось — вот-вот он рухнет. И я, будто рефлекторно, попытался помочь ему удержать равновесие. Кажется, это сработало.

На его лице промелькнула тень непонимания, а затем — странная, едва уловимая улыбка. Словно он инстинктивно ощутил моё присутствие. Я был не против. Даже если бы он всё понял, узнал, что рядом есть кто-то ещё, кто-то на его стороне. Сейчас я больше не хотел быть просто наблюдателем. Я хотел помочь ему любым способом, дать хоть что-то, что позволит ему выстоять в этом бесконечном аду.

Когда головокружение отступило и зрение сфокусировалось, мальчик сделал первый шаг. Шатающейся, неуклюжей походкой — затёкшие ноги не слушались, боль пронзала каждую часть тела. Но теперь от костей исходила странная вибрация, растекаясь по телу, словно подогревая кровь, помогая сердцу разнести энергию к застывшим мышцам и ослабляя тяжесть в груди.

Десяти маленьких шажков хватило, чтобы тело вспомнило: оно ещё может двигаться. Мальчик остановился и решил размяться. Начал с наклонов — и это стало ошибкой. Едва он выпрямился, как мир перед глазами закружился в дикой пляске, и нас повело в сторону. Я думал, он перейдёт к чему-то другому, но как только головокружение прошло, он повторил движение, но очень медленно.

После пятнадцатого раза я с удивлением ощутил, как тело начало меняться. «Может, в тридцать лет такая фигня просто не работает?» — промелькнула мысль. В спине и ногах появилась лёгкость, грудная клетка раскрылась, будто до этого её движения были чем-то скованы. Теперь мальчик дышал полной грудью — сосредоточенно, ритмично, словно выполняя какую-то технику, и втягивал в себя этот смрадный воздух.

Я проникся этим дыханием. Казалось, снялся невидимый лимит на поглощение кислорода лёгкими — его избыток вливался в кровь и разносился по каждой клетке. Появилась энергия. Словно какой-то неизвестный ключ наконец откупорил запасные ящики, предназначенные на чёрный день. И этот день наступил.

Затем мальчик осторожно размял руки — свёл в стороны, поднял над головой, чередуя движения. А я смотрел — насколько позволял его взгляд — на эти изуродованные конечности. Под коркой запёкшейся крови и грязи виднелись страшные рваные раны — следы клыков Тирии. При каждом неловком движении глубокие порезы раскрывались, обнажая белоснежную кость. Пальцы выглядели так, будто их пропустили через промышленную мясорубку: верхний слой кожи оказался полностью стёрт, оставив сплошную корку, которая трескалась при сжатии и разжатии кулаков. Из десяти ногтей уцелело лишь четыре — все на левой руке. «Грёбаная сука просто не успела до них добраться!» — догадался я.

«Нет, стоп. Какая разминка? Как он вообще ещё жив? Почему нет сепсиса? Гнойников? Столбняка? Ведь при таком количестве грязи в ранах он давно должен был умереть!» Я не считал себя знатоком медицины, но даже тех крупниц из школьного курса биологии хватало, чтобы понять: с такими ранами не живут. А этот мальчик доказывал обратное. «Может, всё дело во встроенном механизме, который запускается вибрацией скелета? Или в том "лекарстве", что влила в него эльфийка? Что это вообще было — антибиотик?» Я терялся в догадках. Даже тот факт, что он, пролежав неизвестно сколько часов — или дней? — на ледяном каменном полу, не умер во сне, а смог подняться, уже говорил о многом. «Ничего не понимаю».

Дико было осознавать: в тускло освещённой — непонятно даже чем — камере, заваленной гниющими трупами и залитой склизкой, загустевшей кровью, истерзанный мальчик в ломотях стоит и делает разминку. Как будто вышел на утреннюю зарядку в парк, а не балансирует на грани смерти. Мог бы я вообще вообразить такое, если бы не увидел «собственными» глазами?

Разминка заняла минут двадцать. Разогретое тело стало податливым, и казалось бы, навечно скованные мышцы снова охотно выполняли свою работу. Для меня это было чудом. Нет, состояние мальчика не стало как у здорового человека — скорее, его тело напоминало сложный механизм, который лишь чудом удерживается от того, чтобы не рассыпаться на части. Я буквально чувствовал, как где-то рядом, за левым плечом, задумчиво застыла Смерть. Стоит, склонив голову набок, и размышляет вслух: «Неужели я ошиблась адресом? Или, может быть, стоит подойти завтра?».

Не спеша, ступая босыми ногами по осклизлому каменному полу и стараясь издавать как можно меньше шума, он направился к открытой решётке. За ней по-прежнему клубилось то нечто, что не позволяло разглядеть ничего дальше метра. Оно двигалось, перетекало, будто живое, словно предупреждало: тебе не стоит проходить, тебе не позволено увидеть, что скрыто внутри.

Мальчик приблизился к первому на пути трупу и скользнул по нему взглядом. Мужчина. Возраст уже не определить. Пытали его долго и с выдумкой. Вместо глаз — чёрные воронки;

век нет, как и носа. Щёки разрезаны от губ до ушей, с головы снят скальп — теперь его лицо напоминало демоническую маску. Не верилось, что когда-то это был человек. Он лежал совершенно голый; всё тело покрывали ссадины, синяки, глубокие порезы. С правой стороны оголены рёбра. Коленные чашечки раздроблены — судя по следам, били молотком.

Сколько времени мальчик провёл здесь? Я не чувствовал исходящего от него ни страха, ни даже слабого беспокойства при виде мёртвых. Словно он давно сроднился с ними. А вот я не мог унять тревогу. Та сосредоточенность, что помогала держаться, пока он лежал без движения, теперь отступала, как волна, обнажая острую беспомощность. Разум пытался переварить увиденное — и захлёбывался. Слишком многое нужно было обдумать. Слишком о многом хотелось кричать.

«Так, Тёма, соберись! — мысленно прикрикнул я на себя. — Если и дальше буду себя загонять, то чем помогу ему? Хватит думать о мёртвых. Им я уже ничем не помогу. А этому мальчику — обязан!»

После того как я остановил его руку и передал какую-то непонятную энергию, я знал: это не конец. Что-то изменилось. Теперь я мог рассматривать не только то, на чём сфокусирован его взгляд, но и в подробностях различать дальнюю периферию зрения, будто его глаза обрели дополнительный источник внимания. Если я смогу сосредоточиться, возможно, у меня получится хотя бы предупредить его о незамеченной опасности.

Не задерживаясь на трупе, мальчик переступил через него, потом через следующий, и ещё через один. Я решил не заикливаться на их увечьях. Сейчас организм мальчика напрягся, приятная вибрация усилилась, будто предупреждая: впереди нечто, скрывающее происходящее снаружи, и оно опасно. Надо пройти аккуратно, не сделав глупости. Ведь если барьер исчезнет, нас увидят. Примут за беглеца, схватят, посадят на цепь — и будем мы с ним висеть и кричать, как сотни бедолаг до этого.

Подойдя к проёму, мальчик осторожно коснулся ржавой решётки. И тут я почувствовал, как из его тела исходят осмотрительные импульсы энергии. Я напрягся — она была поразительно похожа на ту, что вливалась в новую сеть потоков моей души, когда меня похитили. Но если тогда это была чистейшая, первозданная стихия, то энергия мальчика оказалась иной — модифицированной, усложнённой, пропущенной через нечто, чего мне не дано было понять.

Наблюдая за этим, я закричал — криком, который никто, кроме меня, не мог услышать. Словно во мне распахнулись закупоренные шлюзы, и поток хлынул в тело мальчика. От неожиданности он вздрогнул — его осторожная струйка энергии на глазах грозила превратиться в бушующую реку. Этого нельзя было допустить — иначе нас раскроют. Он взял себя в руки и попытался стабилизировать разбушевавшуюся силу. А я... я пытался унять эту лавину, но у меня получалось всё хуже и хуже. Это напоминало глупую, паническую ошибку: когда режешься, то вместо того чтобы зажать рану, начинаешь суетиться, разгоняя кровь ещё сильнее. Моя энергия была иной — она слегка отличалась от его собственной. Но мальчик каким-то чудом преобразовывал её. Словно пропускал через невидимый фильтр, делая своей.

«Что за бред?» — пронеслось в голове. Боль начала стремительно отступать, словно река, проложив новое русло, наконец успокоилась. Я решил больше не сопротивляться — сопротивление только мешало. И это помогло. Но вместе с облегчением пришёл страх. Если раньше я ощущал себя просто наблюдателем, который чувствует тело и боль мальчика, но имеет лишь крошечное влияние, то теперь мне открылось нечто гораздо большее. Я словно сам становился этим мальчиком. Его переживания захлёстывали меня всё сильнее, сплетаясь с моими собственными, размывая границу между нами. И это пугало до дрожи — будто я начинал терять самого себя.

И теперь, прикоснувшись к решётке вместе с ним, я понял, что именно делал мальчик. Это знание вспыхнуло где-то в глубине сознания, но принять его оказалось выше моих сил. Мозг отказывался воспринимать эту информацию всерьёз. «Магия? Вы серьёзно? — я замер,

если так можно назвать моё состояние. — Мальчик использовал магию? И я, получается, передал ему часть своей? Я что, в чёртовом фэнтези? И сейчас из-за угла выскочат Фродо с Поттером и заорут: «Сюрприз!»? Что за бред...»

Мой скептицизм разбивался о факты. «Я не верю», — упрямо повторил я себе, но тут же осёкся. А во что теперь верить? После всего увиденного и услышанного — стоило ли вообще удивляться какой-то магии?

Пока я пребывал в замешательстве, мальчик уже полностью пришёл в себя, будто ничего не случилось, и снова прикоснулся к ржавому металлу. Теперь его движения были уверенными и точными. Я видел — нет, почти физически ощущал, — как потоки энергии, тончайшие, словно паутина, оплетают решётку, а затем стекают по ней вниз, переходя на каменный пол. Они растекались, ветвились, и через несколько мгновений пол перед нами оказался соткан из плотной, пульсирующей светло-оранжевой сети. Казалось, будто целый легион невидимых пауков трудится, создавая для нас нечто — то, что поможет пройти сквозь завесу.

«Интересно, это видим только мы с пацаном или все?» — задумался я.

Всё ещё не веря в происходящее, я внимательно пытался изучить последовательность и логику его действий. Со стороны, наверное, казалось, что мальчик просто неподвижно стоит, вцепившись в прутья решётки. Но я-то чувствовал и видел другое. Возможно, именно потому, что я пережил — видел то, чего не должен был видеть: как энергия течёт и наполняет всё сущее, как разрушается и строится заново «кровоток души» — именно поэтому мне сейчас открывалось то, что было неподвластно другим. Я обрёл это зрение не просто так — оно стало моим шрамом, моей наградой за всё, через что я прошёл?

Конечно, может, и все присутствующие здесь на такое способны. Но я был уверен: окажись я в своём настоящем теле, никто из моего окружения не смог бы увидеть подобное. Да что там увидеть — поверить невозможно! Ведь все эти рассказы про супер-экстрасенсов, демонстрирующих свои якобы «способности» на разных шоу, — полнейшая чушь. Есть даже какая-то популярная телепередача, которая штампует этих шарлатанов из года в год, собирая рейтинги на людской доверчивости. И я сам смеялся над ними, сидя на диване с чашкой чая, уверенный, что магия — это для сказок.

Я был уверен: эта энергия похожа на ту, что была у монстра, варварски похитившего меня. Но сейчас она не разрушала — она помогала мальчику. Он насильно ускорил её ток, концентрируя в разных частях тела. Сначала поток устремился в солнечное сплетение — туда, где энергия ощущалась плотнее и ярче. Затем мгновенным импульсом ушёл в мозг, а оттуда — сплошным, но медленным, управляемым током — потёк через руку, выходя за пределы тела непрерывно.

«Вот бы узнать, как он это делает. О чём думает, когда создаёт подобное? Может, проговаривает какое-то заклинание в голове? Какое, мать твою, заклинание? Что за бред я несу?» — я оборвал сам себя. Сейчас важнее было внимательно наблюдать за тем, как паутина взаимодействует с завесой.

Отдельные нити паутины начали приподниматься и тянуться вверх, постепенно утолщаясь. Выглядело это омерзительно — будто скопище оранжевых червей-остриц вытягивало свои жадные рты, пытаясь впиться в колышущееся нечто. И, судя по всему, у них получалось. Вцепившись в бесплотную, казалось бы, дымку, они начали всасывать и перерабатывать её. Это новое топливо позволило колонии размножиться и окрепнуть. Теперь некоторые нити подходили размерами на дождевых червей. Насытившись, они вгрызались в туман с ещё большей жадностью, поглощая его с пугающей скоростью.

Так продолжалось довольно долго — по ощущениям, минут двадцать. Я начал беспокоиться за мальчика. На лбу у него проступили капельки пота, дыхание стало тяжелее, и теперь, когда наше слияние усилилось, его усталость мощной волной накрывала и меня. Моя сила, передающаяся ему, не была бесконечной. Как я понял, она напрямую зависела от способности

души генерировать её. Сейчас, в этом ограниченном теле, энергия напоминала туго натянутую струну — готовую лопнуть в любой момент.

И это разительно отличалось от того, что я испытывал раньше. Там, в «колыбели души» — не знаю, почему я так назвал то место, — меня наполняла бесконечная энергия жизни. Чистая, первозданная, всеобъемлющая. Как и та, чужеродная, злобная сила, что позже пыталась разорвать меня изнутри, — она тоже ощущалась как бездонный океан, который невозможно было ни исчерпать, ни остановить. Там просто не существовало сосуда, способного вместить её.

А здесь — здесь всё было иначе. Конечно. И тогда в голову пришла внезапная, кристально ясная мысль: «Наверное, именно поэтому сеть жизни должна непрерывно расти. Не просто соединять — но и порождать новое. Одна сеть должна создать другую».

На самом деле я не понимаю, почему в мою голову рождаются такие выводы и почему я вообще думаю об этом. Ведь сейчас я непонятно где, в чужом теле, в чужом мире. Кто все эти люди? Что я вообще здесь делаю? Меня должна накрывать безумная паника, парализующая любой мыслительный процесс на корню. Но нет. Почему-то я мог рассуждать на такие, казалось бы, неуместные в данное время и в данном месте темы.

Я заставил себя снова остановиться и полностью погрузился в состояние мальчика. Видел, как он начинает утомляться. Сколько бы уже тысяч жирных червей ни высасывали энергию из тёмного проёма, в нём будто ничего не менялось. Завеса оставалась всё такой же плотной и безразличной. А время шло. Крики не стихали. Помимо этого, я слышал, как суетятся палачи — теперь в их движениях чувствовалась лихорадочная подготовка. Видимо, ожидали скорого прихода того, кого называли Лордом Аргоном — главаря этих мерзких чудовищ.

И я начал бояться. По-настоящему. Если мальчика найдут за этим занятием, это станет последним, что он сделал в своей короткой жизни. Его просто схватят, прикуют к колесу, и всё закончится — быстро и безжалостно.

Пока мои открытые шлюзы всё ещё вливали в него энергию, его магия разрасталась. Теперь червивые нити покрывали стены и потолок, жадно питаясь и генерируя ещё больше мощи. Но это имело и обратный эффект: чем больше становилось поглотителей, тем труднее было их контролировать. Сейчас моя сила тратилась только на поддержание этого контроля — в противном случае я даже не знаю, что бы случилось.

Спустя ещё пять минут тёмная дымка начала терять свою черноту, будто чернила вымывало проточной водой — сначала медленно, но с каждой секундой всё быстрее и быстрее. Ещё немного — и от завесы осталась лишь тень её прежней плотности. Я уже начал предвкушать полное её уничтожение, но парень резко остановил всё движение червей, а затем стал медленно разрывать связь с ними. Когда связь обрывалась, нити через секунду превращались в оранжевый дым и бесследно испарялись. Уже через две минуты вся магия рассеялась.

«Молодец!» — понял я, почему он не стал полностью убирать дымку. Если бы она исчезла совсем, те, кто находится за ней, сразу бы заподозрили неладное и отправились проверять. А сейчас мы смотрели на уже немощную, истончившуюся преграду — она больше не могла остановить нас. Мы могли пройти сквозь неё.

Вытерев капельки пота со лба, парень облегчённо вздохнул. Работа была выполнена. Он присел, переводя дыхание, но усталость не отступала — слишком много сил ушло на заклинание, а ведь их и до этого оставалось немного. Так он и сидел, пытаясь восстановиться, а я всматривался в полупрозрачную пелену, пытаясь разглядеть хоть что-то за ней. Но видел лишь неясные, колеблющиеся тени — и от этого было ещё тревожнее.

Собравшись с силами, мальчик поднялся и нерешительно обернулся. Обвёл взглядом камеру смерти, а затем решительно зашагал обратно, переступая через трупы, — туда, где лежала девочка. Не обращая внимания ни на что вокруг, он опустился рядом и осторожно взял

её на руки. Я почувствовал: она почти ничего не весит. Лёгкая, как пустая оболочка. И уже совсем холодная.

Мальчик остановился у самого проёма, повернул и наклонил голову к ней, и сказал:

— Прости, я не могу остаться сейчас с тобой, но я обязательно вернусь за тобой и выведу тебя отсюда. Меня разрывает от мысли, что ты будешь лежать среди всех этих трупов. Прости, что не могу предложить тебе место получше, но это лучше, чем быть в темнице.

Он переступил порог, вплотную подошёл к тёмной дымке и решительно шагнул в неё. Теперь я понял, почему на её нейтрализацию ушло столько времени. Мальчик двигался, словно сквозь липкую смолу — она обволакивала его с ног до головы. Каждый шаг давался с невероятным усилием, и его истощённое тело с трудом справлялось с этой вязкой, удушливой тяжестью. Но всё же — всего пять шагов, и в лёгкие ударил поток нового воздуха. Запах гнили никуда не исчез, он остался — тяжёлый, металлический, въевшийся в самую суть этого места. Но теперь к нему примешивалось нечто иное — кислород. Его было непривычно, опасно много. Слишком много для измученных лёгких. Мальчик едва не закашлялся — и все оставшиеся силы ушли на то, чтобы сдвинуть этот порыв в груди, не выдать себя ни звуком. Он смог.

Глава 7. Логово зла

Мы очнулись, но продолжали лежать неподвижно. Казалось, прошла целая вечность — мгновение растянулось в бесконечность, застывшую между одним вдохом и следующим. Хотя я чувствовал, что если бы мальчик захотел, он смог бы встать и даже пойти. И даже каменный холодный пол больше не впивался в нас ледяными когтями — между ним и телом будто пролегла незримая, непроницаемая плёнка. «Наверное, это из-за той жидкости, которую заставили выпить», — подумал я.

Криков становилось меньше. Теперь среди общего гула боли я начал различать отдельные слова. Одних под пытками допрашивали о тайных тропах, других — о свойствах растений какого-то леса под названием Алиус. Особенно ярко среди палачей выделялись знакомые мне Лиц и Касс. Мерзкий хохот и высокий голос Лица резал уши хуже любого ножа — этот визгливый, захлёбывающийся смех стал первым звуком, услышанным мной в этом чужом, проклятом месте. А голос Касса пугал иначе: своей обыденностью. Сейчас он звучал так, будто посетитель в кофейне делал заказ, но слова произносил совсем другие:

— Я вырвал тебе один глаз, скоро вырву и второй. Если не хочешь, чтобы я перерезал тебе глотку, — скажи, откуда у вас такое оружие? Молчишь? Хорошо, сейчас займусь вторым глазом.

Было ещё много других голосов — у меня получилось разобрать с несколько десятков. Почему-то у меня отлично получалось их запоминать. Я думал, что в таком месте рассудок покинет меня, и, возможно, случись это в моём настоящем теле, так бы и вышло. Но, к собственному удивлению, мой разум принялся раскладывать всё по полочкам: я машинально считал шаги палачей, прикидывал расстояние между местами пыток, запоминал имена и то, о чём допрашивали.

Также я был удивлён, что почти половина мучителей — женщины. Их голоса не были такими же волшебными, как у Тирии. Некоторые из них даже сложно было отличить от мужских — слишком низкий и грубый. Все они были безумцами, все они были мучителями. Можно ли их назвать людьми? Едва ли. Всё человеческое в них давно сгнило, и сейчас этот смрад заполнял это место.

Также я пришёл к выводу, что место, в котором мы находились, было довольно огромным. Однажды я зафиксировался на голосе, который отчеканил, словно настоящий солдат: «Разрешите выйти наружу, необходимо всё подготовить, скоро придет первое отделение с Графом Аргоном». Мой счёт оборвался на двухстах тринадцати шагах, и я не понимал: то ли слух мальчика такой чувствительный, то ли из-за того, что я здесь как наблюдатель, то ли из-за акустики самого помещения, отражающего и усиливающего все звуки. А звуков тут было море — от стекающей жидкости до поворотов рычагов, после которых раздавался лязг стали и последующая прокрутка колеса. Я уже понял, что это означало: всё, что можно было выпытать, закончилось, и теперь человек, прикованный цепями к колесу, находится головой вниз, и остатки его крови льются в ведро. Которое, как выяснилось, унесут в резервуар.

Было огромное количество людей, прикованных к орудиям пыток, — и многие из них не проронили ни слова. Никакая боль не смогла вытянуть из них ни крупинцы знаний, которыми они обладали. Часто гнев брал верх над палачами именно от этого бессилия, и тогда они убивали свою жертву, так и не добившись ответа. В какой-то момент я осознал, что по-настоящему восхищаюсь этими несломленными.

Странно было слышать от монстров фразы, полные злобы: «Вы демоны! Если бы не ваши проклятые кости, я бы давно каждого разговорил!» — рычал один. «Грёбанные хранители, сколько же наших вы положили!» — вторил другой. «Теперь вы не хозяева этого леса! Никто больше не будет бояться вас, слышишь?» — кричал третий, пытаясь убедить в этом

скорее себя, чем свою жертву. «Скажи, какому богу вы продали души, чтобы стать такими? — с особой яростью выпалил один из палачей. — Вы приносили в жертву людей, чтобы обрести её? Отвечай!»

Проклятья сыпались на хранителей словно водопад, но за каждым из них пряталось одно и то же чувство — зависть, смешанная с животным ужасом перед теми, кто даже в цепях оставался непокорённым.

Жутко становилось в те моменты, когда единственными голосами оставались вопли палачей. Почти на каждом колесе сейчас находились те самые «молчаливые», как их здесь называли, — хранители. И на фоне их мёртвого молчания слышалась только односторонняя, бессилая ярость: работа пыточных механизмов, льющаяся кровь и лязг стали. И в этом шуме ты вдруг понимал: все проклятия, всё, что выкрикивают мучители, — это обман.

Как говорил Оскар Уайльд: «Я слышал о вас столько худого, что не сомневаюсь: вы — хороший человек».

Возможно, если бы я знал всю историю этой войны и не находился здесь, я бы задумался: может, враги в чём-то и правы. Может, у них есть оправдание. Но я всё слышал. Я видел горы трупов. Видел эту чёртову эльфийскую упырьшу...

А теперь вдруг понял: да, я хватался за всё это, лишь бы не думать о ней. О той маленькой, бедной девочке, что лежит сейчас в паре десятков сантиметров от нас. Холодная. Истерзанная. Одинокая. Мёртвая.

Если бы сейчас я был во плоти, в горле стоял бы ком, а из глаз беспрерывно текли слёзы. Моё тело содрогалось бы в рыданиях, и я понимал бы, что нахожусь на грани — ещё мгновение, и я рухну на колени, чтобы завывать раненым зверем. Но когда я думал о ней, мысли тут же перескакивали на мою семью. Как бы Аня отреагировала, узнав, что такое сделали с Ваней? Сошла бы с ума или ушла бы вслед за ним? О себе я не думал. Я знал: случись такое с моим сыном, я бы не раздумывая полез в петлю.

Невозможно было представить, что испытывала эта девочка. Как ни пытался я вообразить её последние дни, я не мог. Я слишком ограничен. Всю жизнь я наслаждался красотой мира и был окружён любовью близких. И даже теперь, видя и слыша всё это, я отказывался верить. Не мог принять, что это не чья-то злая иллюзия, не компьютерная симуляция, а настоящая, реальная жизнь — жизнь тех, кому судьба уготовила этот путь.

В момент моих размышлений я чувствовал пустоту этого бедного мальчика, в теле которого сейчас был заперт. В нём не осталось ничего. Сосущая пустота, словно чёрная дыра, поглотила его целиком. Сейчас он стоял на грани — но не безумия, не гнева и не принятия своей судьбы. Нет, это была иная грань. Та, за которой уже нет ничего. Это ощущение отдалённо напоминало мой собственный страх, когда я думал, что чудовище уничтожит мою душу, сотрёт меня в абсолютное ничто, но сейчас я чувствовал желание этого ребёнка просто исчезнуть. Раз и навсегда.

Когда мальчик надолго задерживал дыхание, словно пытаясь оборвать его навсегда, по телу прокатывалась волна костяных вибраций. Но не такая, как при появлении эльфийки — резкая и болезненная. Эта вибрация была иной: спокойной, успокаивающей. Она словно стирала саму грань, за которой начиналась смерть. Я чувствовал, как после каждой такой волны мой разум обретал неестественную, почти вулканскую ясность. Да, я становился похож на Спока из старого сериала «Звёздный путь» — та же способность мыслить системно и отстранённо. Но с одним важным отличием: эмоции не исчезали.

Они не выключались, а перестраивались. Как будто неведомый механизм внутри мальчика раскладывал этот бушующий хаос на отдельные составляющие, оставляя в каждый момент лишь одну, самую сильную эмоцию. И едва она приближалась к опасной черте, способной сломать рассудок, навстречу ей поднималась другая — и они сталкивались. Происходил взрыв, в котором обе теряли свою разрушительную силу, гасили друг друга. В этом не было

безумных, абсурдных качелей, когда за страхом следует неуместная радость. Нет, всё было тоньше, рациональнее. Страх смешивался с растерянностью, и от их столкновения по телу разливалось тепло, заставляя сжатые сосуды снова пульсировать. А накалившаяся до предела апатия, готовая перейти в вечный холод, сталкивалась с отчаянием — и в этом взрыве разум получал короткую передышку, возвращаясь в какое-никакое, но всё же работающее состояние.

Сейчас я не до конца понимал принцип работы этих вибраций, но был уверен: это какой-то встроенный механизм регуляции. Не превращающий человека в бездушную машину, а помогающий здесь и сейчас не сойти с ума, заставить мозг работать — пусть даже хаотично, пусть ошибочно, но мыслить.

«Сколько мы уже так лежим?» Я поймал себя на мысли, что воспринимаю себя и этого ребёнка как единое целое. Пусть он, кажется, и не подозревал о моём присутствии, я был связан с ним. Чувствовал его боль. Чувствовал его эмоции. И даже каким-то чудом остановил его руку, уже занесённую, чтобы оборвать этот кошмар. И чем дальше, тем чаще я задавался вопросом: а правильно ли я сделал? Имел ли я право так же варварски, как и эта эльфийка, решать, что ему можно, а что нет? Я с ним всего лишь краткий миг его бесконечной муки и не видел ничего из того, что было до меня. Возможно, ему стоило уйти вместе с ней — вслед за девочкой. Мои убеждения о грехе самоубийства и священности жизни рушились, как песочный замок под волной. Здесь не было Бога. Здесь не было и намёка на его благодать. И я всё отчётливее понимал: возможно, его порыв был самым правильным. Возможно, вернее было всё прекратить самому, чем закончить свою жизнь под пытками от чужих рук.

Думая обо всём этом, я неожиданно услышал шёпот мальчика: — Великий Бог Кайрос... — он открыл глаза и уставился на мёртвую девочку. — Молю тебя, сбереги её душу. Пусть в твоей обители она обретёт счастье и встретит семью. Я знаю, ты не сможешь дать мне того, о чём я просил раньше... Но пожалуйста, молю тебя — сбереги её. Пусть она забудет этот кошмар и останется в твоих объятьях...

Одна-единственная слеза скатилась из уголка его глаз. Это было всё, на что сейчас оказалось способно его иссушенное тело. Но эта слеза стала символом его веры и надежды. Именно она вырвала его сейчас из бездны тьмы.

Он приподнялся, склонился к ней и, поцеловав в маленький лобик, произнёс:

— Спи, моя радость, скоро мы встретимся. Я... — ком в горле заставил его запнуться, но он закончил: — Я люблю тебя. Прости, что не уберёг.

Он встал перед ней на колени и заплакал без слёз. Это продолжалось около минуты. Затем он собрался и решил подняться. Я не знал, что он задумал, и всем своим существом похолодел от страха за него. Я молился лишь об одном: чтобы сейчас он не выбежал к палачам с криками проклятий, за которыми последовал бы один конец — неминуемая гибель.

Но, поднявшись, он немного постоял, пытаясь прийти в норму. Головокружение было таким сильным, что казалось — вот-вот он рухнет. И я, будто рефлекторно, попытался помочь ему удержать равновесие. Кажется, это сработало.

На его лице промелькнула тень непонимания, а затем — странная, едва уловимая улыбка. Словно он инстинктивно ощутил моё присутствие. Я был не против. Даже если бы он всё понял, узнал, что рядом есть кто-то ещё, кто-то на его стороне. Сейчас я больше не хотел быть просто наблюдателем. Я хотел помочь ему любым способом, дать хоть что-то, что позволит ему выстоять в этом бесконечном аду.

Когда головокружение отступило и зрение сфокусировалось, мальчик сделал первый шаг. Шатающейся, неуклюжей походкой — затёкшие ноги не слушались, боль пронзала каждую часть тела. Но теперь от костей исходила странная вибрация, растекаясь по телу, словно подогревая кровь, помогая сердцу разнести энергию к застывшим мышцам и ослабляя тяжесть в груди.

Десяти маленьких шажков хватило, чтобы тело вспомнило: оно ещё может двигаться. Мальчик остановился и решил размяться. Начал с наклонов — и это стало ошибкой. Едва он выпрямился, как мир перед глазами закружился в дикой пляске, и нас повело в сторону. Я думал, он перейдёт к чему-то другому, но как только головокружение прошло, он повторил движение, но очень медленно.

После пятнадцатого раза я с удивлением ощутил, как тело начало меняться. «Может, в тридцать лет такая фигня просто не работает?» — промелькнула мысль. В спине и ногах появилась лёгкость, грудная клетка раскрылась, будто до этого её движения были чем-то скованы. Теперь мальчик дышал полной грудью — сосредоточенно, ритмично, словно выполняя какую-то технику, и втягивал в себя этот смрадный воздух.

Я проникся этим дыханием. Казалось, снялся невидимый лимит на поглощение кислорода лёгкими — его избыток вливался в кровь и разносился по каждой клетке. Появилась энергия. Словно какой-то неизвестный ключ наконец откупорил запасные ящики, предназначенные на чёрный день. И этот день наступил.

Затем мальчик осторожно размял руки — свёл в стороны, поднял над головой, чередуя движения. А я смотрел — насколько позволял его взгляд — на эти изуродованные конечности. Под коркой запёкшейся крови и грязи виднелись страшные рваные раны — следы клыков Тирии. При каждом неловком движении глубокие порезы раскрывались, обнажая белоснежную кость. Пальцы выглядели так, будто их пропустили через промышленную мясорубку: верхний слой кожи оказался полностью стёрт, оставив сплошную корку, которая трескалась при сжатии и разжатии кулаков. Из десяти ногтей уцелело лишь четыре — все на левой руке. «Грёбаная сука просто не успела до них добраться!» — догадался я.

«Нет, стоп. Какая разминка? Как он вообще ещё жив? Почему нет сепсиса? Гнойников? Столбняка? Ведь при таком количестве грязи в ранах он давно должен был умереть!» Я не считал себя знатоком медицины, но даже тех крупниц из школьного курса биологии хватало, чтобы понять: с такими ранами не живут. А этот мальчик доказывал обратное. «Может, всё дело во встроенном механизме, который запускается вибрацией скелета? Или в том "лекарстве", что влила в него эльфийка? Что это вообще было — антибиотик?» Я терялся в догадках. Даже тот факт, что он, пролежав неизвестно сколько часов — или дней? — на ледяном каменном полу, не умер во сне, а смог подняться, уже говорил о многом. «Ничего не понимаю».

Дико было осознавать: в тускло освещённой — непонятно даже чем — камере, заваленной гниющими трупами и залитой склизкой, загустевшей кровью, истерзанный мальчик в ломотях стоит и делает разминку. Как будто вышел на утреннюю зарядку в парк, а не балансирует на грани смерти. Мог бы я вообще вообразить такое, если бы не увидел «собственными» глазами?

Разминка заняла минут двадцать. Разогретое тело стало податливым, и казалось бы, навечно скованные мышцы снова охотно выполняли свою работу. Для меня это было чудом. Нет, состояние мальчика не стало как у здорового человека — скорее, его тело напоминало сложный механизм, который лишь чудом удерживается от того, чтобы не рассыпаться на части. Я буквально чувствовал, как где-то рядом, за левым плечом, задумчиво застыла Смерть. Стоит, склонив голову набок, и размышляет вслух: «Неужели я ошиблась адресом? Или, может быть, стоит подойти завтра?».

Не спеша, ступая босыми ногами по осклизлому каменному полу и стараясь издавать как можно меньше шума, он направился к открытой решётке. За ней по-прежнему клубилось то нечто, что не позволяло разглядеть ничего дальше метра. Оно двигалось, перетекало, будто живое, словно предупреждало: тебе не стоит проходить, тебе не позволено увидеть, что скрыто внутри.

Мальчик приблизился к первому на пути трупу и скользнул по нему взглядом. Мужчина. Возраст уже не определить. Пытали его долго и с выдумкой. Вместо глаз — чёрные воронки;

век нет, как и носа. Щёки разрезаны от губ до ушей, с головы снят скальп — теперь его лицо напоминало демоническую маску. Не верилось, что когда-то это был человек. Он лежал совершенно голый; всё тело покрывали ссадины, синяки, глубокие порезы. С правой стороны оголены рёбра. Коленные чашечки раздроблены — судя по следам, били молотком.

Сколько времени мальчик провёл здесь? Я не чувствовал исходящего от него ни страха, ни даже слабого беспокойства при виде мёртвых. Словно он давно сроднился с ними. А вот я не мог унять тревогу. Та сосредоточенность, что помогала держаться, пока он лежал без движения, теперь отступала, как волна, обнажая острую беспомощность. Разум пытался переварить увиденное — и захлёбывался. Слишком многое нужно было обдумать. Слишком о многом хотелось кричать.

«Так, Тёма, соберись! — мысленно прикрикнул я на себя. — Если и дальше буду себя загонять, то чем помогу ему? Хватит думать о мёртвых. Им я уже ничем не помогу. А этому мальчику — обязан!»

После того как я остановил его руку и передал какую-то непонятную энергию, я знал: это не конец. Что-то изменилось. Теперь я мог рассматривать не только то, на чём сфокусирован его взгляд, но и в подробностях различать дальнюю периферию зрения, будто его глаза обрели дополнительный источник внимания. Если я смогу сосредоточиться, возможно, у меня получится хотя бы предупредить его о незамеченной опасности.

Не задерживаясь на трупе, мальчик переступил через него, потом через следующий, и ещё через один. Я решил не заикливаться на их увечьях. Сейчас организм мальчика напрягся, приятная вибрация усилилась, будто предупреждая: впереди нечто, скрывающее происходящее снаружи, и оно опасно. Надо пройти аккуратно, не сделав глупости. Ведь если барьер исчезнет, нас увидят. Примут за беглеца, схватят, посадят на цепь — и будем мы с ним висеть и кричать, как сотни бедолаг до этого.

Подойдя к проёму, мальчик осторожно коснулся ржавой решётки. И тут я почувствовал, как из его тела исходят осмотрительные импульсы энергии. Я напрягся — она была поразительно похожа на ту, что вливалась в новую сеть потоков моей души, когда меня похитили. Но если тогда это была чистейшая, первозданная стихия, то энергия мальчика оказалась иной — модифицированной, усложнённой, пропущенной через нечто, чего мне не дано было понять.

Наблюдая за этим, я закричал — криком, который никто, кроме меня, не мог услышать. Словно во мне распахнулись закупоренные шлюзы, и поток хлынул в тело мальчика. От неожиданности он вздрогнул — его осторожная струйка энергии на глазах грозила превратиться в бушующую реку. Этого нельзя было допустить — иначе нас раскроют. Он взял себя в руки и попытался стабилизировать разбушевавшуюся силу. А я... я пытался унять эту лавину, но у меня получалось всё хуже и хуже. Это напоминало глупую, паническую ошибку: когда режешься, то вместо того чтобы зажать рану, начинаешь суетиться, разгоняя кровь ещё сильнее. Моя энергия была иной — она слегка отличалась от его собственной. Но мальчик каким-то чудом преобразовывал её. Словно пропускал через невидимый фильтр, делая своей.

«Что за бред?» — пронеслось в голове. Боль начала стремительно отступать, словно река, проложив новое русло, наконец успокоилась. Я решил больше не сопротивляться — сопротивление только мешало. И это помогло. Но вместе с облегчением пришёл страх. Если раньше я ощущал себя просто наблюдателем, который чувствует тело и боль мальчика, но имеет лишь крошечное влияние, то теперь мне открылось нечто гораздо большее. Я словно сам становился этим мальчиком. Его переживания захлёстывали меня всё сильнее, сплетаясь с моими собственными, размывая границу между нами. И это пугало до дрожи — будто я начинал терять самого себя.

И теперь, прикоснувшись к решётке вместе с ним, я понял, что именно делал мальчик. Это знание вспыхнуло где-то в глубине сознания, но принять его оказалось выше моих сил. Мозг отказывался воспринимать эту информацию всерьёз. «Магия? Вы серьёзно? — я замер,

если так можно назвать моё состояние. — Мальчик использовал магию? И я, получается, передал ему часть своей? Я что, в чёртовом фэнтези? И сейчас из-за угла выскочат Фродо с Поттером и заорут: «Сюрприз!»? Что за бред...»

Мой скептицизм разбивался о факты. «Я не верю», — упрямо повторил я себе, но тут же осёкся. А во что теперь верить? После всего увиденного и услышанного — стоило ли вообще удивляться какой-то магии?

Пока я пребывал в замешательстве, мальчик уже полностью пришёл в себя, будто ничего не случилось, и снова прикоснулся к ржавому металлу. Теперь его движения были уверенными и точными. Я видел — нет, почти физически ощущал, — как потоки энергии, тончайшие, словно паутина, оплетают решётку, а затем стекают по ней вниз, переходя на каменный пол. Они растекались, ветвились, и через несколько мгновений пол перед нами оказался соткан из плотной, пульсирующей светло-оранжевой сети. Казалось, будто целый легион невидимых пауков трудится, создавая для нас нечто — то, что поможет пройти сквозь завесу.

«Интересно, это видим только мы с пацаном или все?» — задумался я.

Всё ещё не веря в происходящее, я внимательно пытался изучить последовательность и логику его действий. Со стороны, наверное, казалось, что мальчик просто неподвижно стоит, вцепившись в прутья решётки. Но я-то чувствовал и видел другое. Возможно, именно потому, что я пережил — видел то, чего не должен был видеть: как энергия течёт и наполняет всё сущее, как разрушается и строится заново «кровоток души» — именно поэтому мне сейчас открывалось то, что было неподвластно другим. Я обрёл это зрение не просто так — оно стало моим шрамом, моей наградой за всё, через что я прошёл?

Конечно, может, и все присутствующие здесь на такое способны. Но я был уверен: окажись я в своём настоящем теле, никто из моего окружения не смог бы увидеть подобное. Да что там увидеть — поверить невозможно! Ведь все эти рассказы про супер-экстрасенсов, демонстрирующих свои якобы «способности» на разных шоу, — полнейшая чушь. Есть даже какая-то популярная телепередача, которая штампует этих шарлатанов из года в год, собирая рейтинги на людской доверчивости. И я сам смеялся над ними, сидя на диване с чашкой чая, уверенный, что магия — это для сказок.

Я был уверен: эта энергия похожа на ту, что была у монстра, варварски похитившего меня. Но сейчас она не разрушала — она помогала мальчику. Он насильно ускорил её ток, концентрируя в разных частях тела. Сначала поток устремился в солнечное сплетение — туда, где энергия ощущалась плотнее и ярче. Затем мгновенным импульсом ушёл в мозг, а оттуда — сплошным, но медленным, управляемым током — потёк через руку, выходя за пределы тела непрерывно.

«Вот бы узнать, как он это делает. О чём думает, когда создаёт подобное? Может, проговаривает какое-то заклинание в голове? Какое, мать твою, заклинание? Что за бред я несу?» — я оборвал сам себя. Сейчас важнее было внимательно наблюдать за тем, как паутина взаимодействует с завесой.

Отдельные нити паутины начали приподниматься и тянуться вверх, постепенно утолщаясь. Выглядело это омерзительно — будто скопище оранжевых червей-остриц вытягивало свои жадные рты, пытаясь впиться в колышущееся нечто. И, судя по всему, у них получалось. Вцепившись в бесплотную, казалось бы, дымку, они начали всасывать и перерабатывать её. Это новое топливо позволило колонии размножиться и окрепнуть. Теперь некоторые нити подходили размерами на дождевых червей. Насытившись, они вгрызались в туман с ещё большей жадностью, поглощая его с пугающей скоростью.

Так продолжалось довольно долго — по ощущениям, минут двадцать. Я начал беспокоиться за мальчика. На лбу у него проступили капельки пота, дыхание стало тяжелее, и теперь, когда наше слияние усилилось, его усталость мощной волной накрывала и меня. Моя сила, передающаяся ему, не была бесконечной. Как я понял, она напрямую зависела от способности

души генерировать её. Сейчас, в этом ограниченном теле, энергия напоминала туго натянутую струну — готовую лопнуть в любой момент.

И это разительно отличалось от того, что я испытывал раньше. Там, в «колыбели души» — не знаю, почему я так назвал то место, — меня наполняла бесконечная энергия жизни. Чистая, первозданная, всеобъемлющая. Как и та, чужеродная, злобная сила, что позже пыталась разорвать меня изнутри, — она тоже ощущалась как бездонный океан, который невозможно было ни исчерпать, ни остановить. Там просто не существовало сосуда, способного вместить её.

А здесь — здесь всё было иначе. Конечно. И тогда в голову пришла внезапная, кристально ясная мысль: «Наверное, именно поэтому сеть жизни должна непрерывно расти. Не просто соединять — но и порождать новое. Одна сеть должна создать другую».

На самом деле я не понимаю, почему в мою голову рождаются такие выводы и почему я вообще думаю об этом. Ведь сейчас я непонятно где, в чужом теле, в чужом мире. Кто все эти люди? Что я вообще здесь делаю? Меня должна накрывать безумная паника, парализующая любой мыслительный процесс на корню. Но нет. Почему-то я мог рассуждать на такие, казалось бы, неуместные в данное время и в данном месте темы.

Я заставил себя снова остановиться и полностью погрузился в состояние мальчика. Видел, как он начинает утомляться. Сколько бы уже тысяч жирных червей ни высасывали энергию из тёмного проёма, в нём будто ничего не менялось. Завеса оставалась всё такой же плотной и безразличной. А время шло. Крики не стихали. Помимо этого, я слышал, как суетятся палачи — теперь в их движениях чувствовалась лихорадочная подготовка. Видимо, ожидали скорого прихода того, кого называли Лордом Аргоном — главаря этих мерзких чудовищ.

И я начал бояться. По-настоящему. Если мальчика найдут за этим занятием, это станет последним, что он сделал в своей короткой жизни. Его просто схватят, прикуют к колесу, и всё закончится — быстро и безжалостно.

Пока мои открытые шлюзы всё ещё вливали в него энергию, его магия разрасталась. Теперь червивые нити покрывали стены и потолок, жадно питаясь и генерируя ещё больше мощи. Но это имело и обратный эффект: чем больше становилось поглотителей, тем труднее было их контролировать. Сейчас моя сила тратилась только на поддержание этого контроля — в противном случае я даже не знаю, что бы случилось.

Спустя ещё пять минут тёмная дымка начала терять свою черноту, будто чернила вымывало проточной водой — сначала медленно, но с каждой секундой всё быстрее и быстрее. Ещё немного — и от завесы осталась лишь тень её прежней плотности. Я уже начал предвкушать полное её уничтожение, но парень резко остановил всё движение червей, а затем стал медленно разрывать связь с ними. Когда связь обрывалась, нити через секунду превращались в оранжевый дым и бесследно испарялись. Уже через две минуты вся магия рассеялась.

«Молодец!» — понял я, почему он не стал полностью убирать дымку. Если бы она исчезла совсем, те, кто находится за ней, сразу бы заподозрили неладное и отправились проверять. А сейчас мы смотрели на уже немощную, истончившуюся преграду — она больше не могла остановить нас. Мы могли пройти сквозь неё.

Вытерев капельки пота со лба, парень облегчённо вздохнул. Работа была выполнена. Он присел, переводя дыхание, но усталость не отступала — слишком много сил ушло на заклинание, а ведь их и до этого оставалось немного. Так он и сидел, пытаясь восстановиться, а я всматривался в полупрозрачную пелену, пытаясь разглядеть хоть что-то за ней. Но видел лишь неясные, колеблющиеся тени — и от этого было ещё тревожнее.

Собравшись с силами, мальчик поднялся и нерешительно обернулся. Обвёл взглядом камеру смерти, а затем решительно зашагал обратно, переступая через трупы, — туда, где лежала девочка. Не обращая внимания ни на что вокруг, он опустился рядом и осторожно взял

её на руки. Я почувствовал: она почти ничего не весит. Лёгкая, как пустая оболочка. И уже совсем холодная.

Мальчик остановился у самого проёма, повернул и наклонил голову к ней, и сказал:

— Прости, я не могу остаться сейчас с тобой, но я обязательно вернусь за тобой и выведу тебя отсюда. Меня разрывает от мысли, что ты будешь лежать среди всех этих трупов. Прости, что не могу предложить тебе место получше, но это лучше, чем быть в темнице.

Он переступил порог, вплотную подошёл к тёмной дымке и решительно шагнул в неё. Теперь я понял, почему на её нейтрализацию ушло столько времени. Мальчик двигался, словно сквозь липкую смолу — она обволакивала его с ног до головы. Каждый шаг давался с невероятным усилием, и его истощённое тело с трудом справлялось с этой вязкой, удушливой тяжестью. Но всё же — всего пять шагов, и в лёгкие ударил поток нового воздуха. Запах гнили никуда не исчез, он остался — тяжёлый, металлический, въевшийся в самую суть этого места. Но теперь к нему примешивалось нечто иное — кислород. Его было непривычно, опасно много. Слишком много для измученных лёгких. Мальчик едва не закашлялся — и все оставшиеся силы ушли на то, чтобы сдвинуть этот порыв в груди, не выдать себя ни звуком. Он смог.

Глава 8. Часть мёртвых

Мальчика била сильнейшая дрожь. Из зажатых в тиски рук стекала кровь, оставшиеся ногти вонзались, разрезая и без того изувеченные ладони. Крупные, холодные капли пота выступили на лбу, бешено стучало сердце. Он пытался дышать, но казалось, будто кислород не мог усвоиться организмом. И я никак не мог ему сейчас помочь.

Мне казалось, что я умер. Страх сменился полным опустошением, когда в тебе не остаётся ничего, даже тебя самого. Вся картина, развернувшаяся передо мной, показала мне, что в этом мире нет ничего святого, что Бог отвернулся от этих людей, оставил их в этой бойне. «Почему я здесь? Для чего вы всё мне это показываете?» — безвольно задал я вопрос в пустоту.

Мне хотелось сдаться, лечь рядом с трупами и слиться с ними. Они умерли и сейчас не видят, не пропускают через себя всю эту боль. «Так почему жив я? Почему?» — вопрошал я, не ожидая ответа. «Может, чтобы каким-то образом помочь этому мальчику? А если и получится спасти, что станет с ним? Сойдёт ли он с ума от увиденного? Сможет ли сомкнуть глаза хотя бы на секунду после всего этого ада?»

Из состояния, длившегося, казалось, целую вечность, меня вывел он — бедный маленький мальчик, который сейчас едва справлялся с окатившим его безумием. Я чувствовал, что прямо сейчас он готов рвануть с места, словно бешеный пёс, туда, где по ступеням вверх бежал небольшой отряд выполнять приказ.

«Нет, нет, нет, тихо-тихо, не надо. Успокойся... мы выберемся, обязательно выберемся, только, пожалуйста, успокойся, малыш».

Паника мальчика захлёстывала меня с головой. Его эмоции били через край, и вибрация работала на пределе — но у всего живого есть свой предел. Даже у него.

Мальчик начал медленно подниматься, готовый ринуться вперёд прямо сейчас.

«НЕТ!!!» — этот крик вырвался из самой глубины моего существа. И мальчика словно припечатало к каменному полу невидимой рукой. Он брыкался, на губах выступила пена. Моя сила таяла, как крупинка сахара в горячем чае, но я не мог сдаться. Не сейчас.

«Приди в себя, пожалуйста», — взмолился я, и почувствовал, что рыдаю. Этот плач шёл из того небольшого, что от меня осталось: моя истерзанная душа сейчас тонула в омуте отчаяния, но я продолжал цепляться за мальчика. «Прошу тебя... я даже не знаю, как тебя зовут. Ты должен выбраться... должен сказать мне своё имя!»

Я ощутил невесомость, меня начало отрывать от мальчика, словно пересаженный орган, начавший отторгаться. Я потратил слишком много энергии и понял: если не прекращу вливать в него силы, то навсегда его покину. С трудом, но я остановил связь. По мальчику было видно: безумие в глазах сменилось сначала непониманием, а затем растерянностью.

После этого его растерянность переросла в тревогу. Он начал оглядываться по сторонам, будто ища меня. Словно знал, что всё это время с ним кто-то был, и сейчас отчаянно не желал оставаться один. Понимая это и осознавая, что нельзя его так оставлять, я стал думать, как восстановить связь, не истратив последние силы. И тут меня осенило: нужно действовать так же, как мальчик, когда он создавал нити, высасывающие тьму. Не обязательно держать поток открытым на максимум — достаточно просто следовать его примеру. И тогда всё получится.

Теперь моей неизвестной силы осталось не так много, поэтому я стал приоткрывать шлюзы. «Медленнее, Артём, медленнее, — говорил я себе. — Самое главное — показать мальчику, что он не один. Что я рядом».

И у меня получилось. Восторг захлестнул меня: «Я это сделал!»

В этот момент парнишка будто расслабился. Дыхание замедлилось, бешеный стук сердца унялся — он приходил в норму, если это слово вообще применимо к его состоянию.

Он лежал на полу, глядя в тёмный потолок коридора и собираясь с мыслями. Затем, так тихо, будто и вовсе не тревожа воздух, перевернулся, снова поднял голову над трупами и стал наблюдать.

Сейчас в зале все были заняты работой — оттаскивали тела и убирали к стенам. Это было опасно, так как двое несли труп мужчины и быстро направлялись сюда, чтобы скинуть его в ту самую кучу, за которой мы прятались.

«Назад в камеру, пока не поздно!» Но у мальчишки был другой план. Он начал аккуратно приподнимать окостеневшие тела, зарываясь между ними. Шаги приближались, но он успел. Сейчас он словно очутился в братской могиле.

«Не могу поверить...» — только и смог выговорить я про себя.

В этот момент мы почувствовали, как на нас свалили мёртвого мужчину. Нагрузка увеличилась, и локоть трупа впился мальчику в лопатку, вызвав сильную боль. Он прикусил губу, чтобы ни единого звука не вылетело изо рта.

— Стой! — произнёс чей-то грубый голос. — Он живой ещё, что ли? Чувствуешь?

— Да хватит тебе, мертвее мёртвого, — пробурчал второй. — Даже если жив, скоро помрёт! Пошли уже!

— Ага, конечно, пошли. А если он очнётся и орать начнёт? Хочешь, чтобы и с тобой то же самое было, что с Тирией? — взволнованно проговорил первый.

— Да, блин, сейчас... — Мы услышали быстро приближающиеся шаги. Между нами было не более метра, и тут раздался звук вынимаемого из ножен меча. — Раз! — Звук пронзаемой плоти. — Вот теперь точно не закричит. Пошли уже, дел ещё невпроворот!

Шаги быстро отдалились. Мальчик чуть повернулся, сместил локоть — и боль наконец ушла

«Может быть, просто лежать здесь, пока всё не закончится? Тирия мертва, кто теперь вспомнит про мальчика, запертого в камере? Разве что те двое... но, мне кажется, у них сейчас голова совсем другим забита. Да и если и вспомнят, пройдут по коридору, переступят через трупы, увидят девочку, поймут, что в камере никого нет, — не подумают же, что он сбежал? Решат, что это Тирия здесь побывала, а тело паренька уже лежит где-нибудь среди остальных».

Мысли неслись вскачь, и, похоже, мальчик сейчас тоже не знал, как лучше поступить. В такой суматохе невозможно никому не попасться на глаза.

Он осторожно протиснулся так, чтобы видеть, что происходит снаружи.

Работали все быстро. Ланос стоял и что-то тихо говорил одному из своих прихвостней. За шумом сдвигаемых клеток и шагов невозможно было разобрать ни слова. И вот, спустя всего полчаса, помещение полностью освободили, будто здесь никогда и не было ничего, кроме каменного стола и резервуаров с кровью. Только странные, жуткие существа продолжали сновать туда-сюда.

К этому моменту все остальные столпились вокруг Ланоса.

— Отлично! — довольно произнёс он. — Теперь осталось дожидаться патрульных и Лорда Аргона. Майзен, давай, тащи его сюда. Хоть взгляну на него.

Воин по имени Майзен быстро подошёл к деревянному ящику, открыл его и достал свёрток ткани, затем с поклоном передал его Ланосу. Тот аккуратно стал раскрывать его, и взгляду открылся абсолютно чёрный кусок металла.

— Мда... — протянул он. — Надеюсь, у лорда Аргона получится его привязать, было бы неплохо... Хотя, конечно, самое главное уже сделали — избавились от этих грязных крыс. — Тьфу! — смачно сплюнул на каменный пол. — Ну, а даже если и не получится, значит, это уже никому не под силу.

Держа двумя пальцами чёрную металлическую пластину, он поднял её над головой, разглядывая в стремительно уходящем свете, проникающем через окулус купола.

Послышался топот сапог. В зал, тяжело дыша, вбежали чуть больше пятидесяти человек в таких же доспехах, как у Виллона. Половина воинов была перепачкана кровью и пылью, а доспехи остальных покрывала омерзительная на вид зелёная и белая слизь. Один из них вышел вперёд и поклонился Ланосу.

— Господин, первый и второй патрули прибыли, — отрапортовал он, глубоко и тяжело дыша.

Лицо Ланоса стало серьёзным, и он проговорил:

— Вайс, где командир второго отряда Мика и почему вас тут только половина? — брови его сошлись на переносице.

— Докладываю, сэр Ланос. Последние два дня наши отряды вели непрерывные бои. Командир второго отряда убит, как и все, кто не вернулся. Десять часов назад атаки тварей пошли одна за другой, мы не успевали проводить ротацию и из-за накопившейся усталости отступили от предписанной границы.

— А где ваша подмога?! Что, мать вашу, здесь произошло, пока меня не было?! И какого хрена вы не доложили об этом раньше?! — взревел он.

— Докладываю, три патрульных остались сбивать след и повели зверей на север. Мы отправляли посыльного за помощью, но с третьего по шестой отряд сейчас сами ведут ожесточённый бой, также с нами вернулся Грег Саган из седьмого отряда. Он доложит об остальном.

Вперёд вышел Грег — представитель той самой расы с серой, каменной кожей. Огромный кровоподтёк расплылся на половине его лица. Кулаки Ланоса то сжимались, то разжимались — было видно, что всё идёт совсем не по плану.

— Помофник командила сегого отлада, Глег Самон, докладываю, — похоже, у него было повреждено не только лицо, но и челюсть с зубами. — Фсе мелтвы, кайланы плошли... — выдавил он. Было видно, что ещё немного — и он потеряет сознание.

Лицо Ланоса стало пунцовым, поднятые кулаки задрожали от ярости, и сквозь зажатые зубы он произнёс:

— Ты сказал кайраны? — Грег активно закивал. — А самка, самка там была? — с волнением спросил он.

Серокожий отрицательно замотал головой.

— Ты точно уверен? — сверлил его взглядом сэр Ланос. — Отвечай, точно уверен?! — прорычал он.

— Тофно пловелено, феломоны и полофок не активфилофались. — С этими словами он достал какой-то маленький мешок из бедренного кармана.

— Хотя бы это... — тихо, с яростью произнёс он. — Сука, надо было просто порешать хранителей, и дело с концом, но нет — нужно все тайны выведать, все тропы пронюхать, привязать оружие старосты себе... Говорил же: это удача, что мы нашли хранителей и отравили их. План разрабатывался десятилетиями, надо было просто следовать ему, но нет — притащить столько сил в эти руины... Мы же не в Империи, мы в Алиусе, здесь даже нам трудно выжить, а мы устроили здесь базу на несколько недель.

Он со всей силы пнул каменный стол. От удара откололся увесистый камень.

— Так! Слушай приказ. С минуты на минуту здесь будет Лорд Аргон с магами. Вы его знаете: что бы ни случилось, ритуал он проведёт. Поэтому приготовить всё немедленно. Вайс — привести зал в порядок. Отдыхайте, сколько сможете. Пейте настойки, эликсиры — всё, что угодно. Чувствую, отсюда будем прорываться с боем. Майзен, я иду встречать Лорда Аргона. А ты должен передать вернувшимся отрядам: сразу рассыпать порошок и зачаровать за собой дверь. Всех вести сюда. Как ритуал закончится — сразу уходим. Каждый лишний час промедления для нас — смерть!

Все резко засуетились и принялись выполнять команды, а я заметил, что настроение мальчика становится всё лучше и лучше. Ещё бы — планы врага летят ко всем чертям, они

потеряли много людей и потенциально потеряют ещё больше. Только я не мог знать, идёт ли это на пользу нашему с ним спасению, ведь, как оказалось, за одной ловушкой скрывается другая. И если опытным воинам приходится несладко, то что можем сделать мы?

С одной стороны, для нас к лучшему, что они так спешат уйти отсюда: значит, трупы, в которых мы спрятались, останутся тут. Но они говорят о монстрах и зверях леса. Какова вероятность, что эти твари не придут на запах крови и мяса и не сожрут заодно и нас? Значит, нужно как-то незаметно пойти за ними!

Сейчас мы с мальчиком лежали среди трупов людей, успев увидеть все зверства, какие только можно вообразить, и не прошло ещё и часа с того момента, как казалось: лучше погрузиться в кромешную тьму и никогда больше не всплыть, чем продолжать это бессмысленное барахтанье. Но, к моему удивлению, сейчас мой разум успокоился, будто бы в нём произошла какая-то перестройка. Может быть, из-за нашей связи с мальчиком?

Мне кажется, что сейчас я смотрю на мир глазами по-настоящему великого человека. Связан с тем, в ком заключена огромная сила воли, невероятная жажда жизни. Он всё ещё хочет выбраться отсюда и сдержать обещание, данное той девочке, имени которой я даже не знаю. Безусловно, сейчас мы не можем существовать друг без друга. Возможно, он, чувствуя меня, думает, что я — это какая-то невидимая помощь его Бога или что-то в этом роде, и поэтому пытается бороться до конца. А я не знал, что будет, если наша связь с ним оборвётся. Что со мной станется? Я просто испарюсь? Растворюсь дымкой, как те магические черви?

Без него у меня не будет ни единого шанса вернуться домой... Стоило вспомнить дом, любимые черты жены Анны и сынишки Ивана, как всё внутри сжалось от невыносимой тоски. Но я тут же одёрнул себя: если есть хоть один шанс на миллион, я должен им воспользоваться. Должен вернуться к ним, чего бы это ни стоило. Если для этого мне придётся пройти через весь этот ад — я выдержу. Я обязательно к ним вернусь!

Мы продолжали следить за происходящим. К своему удивлению, я вдруг понял, что большинство присутствующих здесь — обычные люди, а не монстры, подобные Тирии. Но едва я вспомнил о ней, как по телу мальчика пробежал холодок, а меня захлестнул липкий, животный страх. «Надеюсь, мои мысли не влияют на него, — пронеслось в голове. — Это будет скверно. Из нас двоих именно он — сильная личность. Нельзя, чтобы тепличный человек, смотревший на мир сквозь розовые очки, сейчас ему мешал. Моя задача — только помогать. И никак иначе».

Снова вернувшись к мысли о различиях между присутствующими, я понял: если рассуждать в категориях фэнтези, то Тирия, несомненно, была эльфийским чудищем. Такими же чудищами, как и она, но человеческой расы, были сэр Ланос, Виллон, Лиц и некоторые другие. Их выдавали глаза — холодные, безжизненные колодцы тьмы — и рот, заполненный острейшим частокотом зубов. Тирия наглядно продемонстрировала, какую боль причиняет их трапеца. Тело мальчика покрывали десятки укусов — это были рваные, ноющие раны, которые без должного лечения могли загноиться в любой момент.

А когда мы услышали странный голос и посмотрели на говорившего, я понял, что это не просто чудище — он даже не похож на человека. Он был очень высокого роста, руки доходили до колен, кожа покрыта чем-то вроде чешуек какого-то хладнокровного. Вместо носа — небольшой бугорок с двумя отверстиями. Волосы на голове отсутствовали, уши заострённые, как у Тирии, но гораздо больше. На первый взгляд, если вспомнить какие-нибудь видеоигры, я бы предположил, что это кто-то из драконидов. Но хвоста у них не было, так что притянуть за уши дракониду оказалось тяжеловато. Я быстро бросил попытки дать этой расе точное название и решил долго не задумываться — для себя я окрестил их ящерами. Здесь таких созданий насчитывалось пять или шесть.

Также здесь были какие-то оборотни, но, к сожалению, все они явились с патруля и сейчас с головы до ног скрывались под доспехами. Отличить их можно было только по шерсти —

на открытых руках и возле шеи. Были и несколько недодворфов — почему-то язык не поворачивался назвать их просто дворфами.

Но я так и не сумел рассмотреть всех тщательно, так как слышались быстрые шаги со стороны главного выхода

Глава 9. Двадцать шагов

Мальчик тут же заострил всё внимание на выходе из этого ада, и уже очень скоро оттуда показалась толпа людей, впереди которых шли сэр Ланос и, как я сразу догадался, граф Аргон собственной персоной. Он разительно отличался от всех остальных присутствующих. Ведь он был воплощением элегантности. Будто бы его перенесли сюда с обложек любовных книг.

Волосы светлые, почти платиновые. Средней длины, небрежные пряди падали на лоб и виски. Лицо с точёными чертами: высокие скулы, прямой нос, тонкие губы. Кожа бледная, без шрамов и морщин.

Одет он был в чёрный двубортный сюртук военного покроя из плотной кожи. Сидел идеально, подчёркивая фигуру. Высокий воротник-стойка закрывал шею. Грудь пересекали шесть симметричных кожаных ремней с металлическими пряжками — туго затянутых, будто часть доспеха. На пряжках — слабая гравировка, то ли руны, то ли символы. Плечи слегка усилены, рукава облегающие, с манжетами на ремнях. На запястьях — высокие чёрные перчатки.

Поверх сюртука — длинный плащ из тяжёлой ткани чёрного цвета. При движении плащ распахивался, открывая красную изнанку. По нижнему краю плаща — вышитые серебряные руны, которые слабо мерцали в полумраке.

Брюки чёрные, облегающие, с вертикальными ремнями по бокам. На поясе — чёрные ножны с серебряными вставками. Рукоять оружия украшена тёмным камнем, похожим на рубин, тускло мерцавшим красным.

Сэр Ланос всю дорогу что-то активно говорил Лорду Аргону, и тот внимательно его слушал. Сначала невозможно было расслышать, но чем ближе они подходили к порогу зала, тем отчётливее становились голоса — странная акустика этого места разносила звуки.

— ...Или да, или нет, — наконец я услышал голос взволнованного Ланоса. — Если не успеть за час, боюсь, Лорд Аргон, даже я не смогу вас отсюда вытащить. Возвращается только третий патруль, остальные разгромлены. Я уже дал приказ Виллону перераспределить людей и отводить стаи как можно дальше, но боюсь, времени это выиграет немного. Надо было оставлять магов здесь, чтобы они перекрывали выход маны и запахов.

Мы с мальчиком вместе ощутили поднимающийся восторг... «Да, не думал я, что буду радоваться чьей-то смерти, но я понял: если они выглядят как люди, говорят как люди и даже хотят чего-то, как люди, после того, что они сделали, их можно вычёркивать из этой категории».

— Я тебя понял, Ланос, — ледяным голосом ответил Аргон. — Сегодня мы потеряем много верных слуг, и это тоже меня сильно беспокоит. — Было непонятно, искренне он говорит или нет. — Я не мог оставить здесь магов, ты ведь и сам знаешь, где и почему они мне были нужны. Мы ведём войну на многих фронтах. После победы над хранителями они даже не успели отпраздновать и сразу же усаkali к перевалу Хьюгорта, чтобы подготовить ловушку и принести мне голову Героя Мансена. А здесь, сам знаешь, магия работает из рук вон плохо. Даже чтобы провести заклинание, мы вынуждены использовать редкие стабилизаторы. Только маги из герцогства Праэсидум ещё могут похвастаться своей магической силой в лесу Алиус. Кстати, о них и обо всём остальном — может, я запамятовал, Ланос? — Он метнул в него убийственный взгляд. — На ком лежит ответственность за это? Кажется, тебе я поручал привести всё здесь в порядок и ждать моего сообщения. И что я вижу в итоге?

Они остановились перед каменным столом, и сэр Ланос склонился и произнёс:

— Прошу дать мне шанс высказаться по этому поводу, и вы обязательно поймёте, почему так произошло и почему я отсутствовал до этого момента! — чётко проговорил он.

— Охотно верю, — пренебрежительно и холодно ответил Аргон, — но оставим это на потом. Сейчас у нас из-за вас, — он снова взглянул на Ланоса, на этот раз с откровенным

презрением, — дела, не терпящие отлагательств! Так, маги, быстро составили сеть, чтобы через пять минут поток был на мне!

В моём представлении маги должны быть в мантиях, с бородой и шляпой, но единственное, что их связывало с этим образом, были посохи. Правда, даже они были совершенно не похожи друг на друга. В остальном маги ничем не отличались от воинов, заполняющих этот могильник.

— Агрон, кладите пластину на стол. Так, Майер... Вы что, издеваетесь? К чему столько крови, идиоты? Я же чётко сказал: с каждого хранителя по П-Р-О-Б-Е. У вас что, пробирок не было? Вы кровь вёдрами таскали? — Он внимательно осмотрел резервуары, заметил пару оставленных там вёдер и продолжил: — Реально кретины... — Он двумя ладонями протёр лицо. — Семь гребаных резервуаров наполнили. Надеюсь, — он резко повернулся к ним, и лицо у него страшно исказилось, — вы не смешивали кровь хранителей и людей с поселения?

Никто так и не решился ответить, все опустили головы, избегая его взгляда. Глаза Аргона закатились, он так сильно сжал кулаки, что по телу прошла дрожь.

— Разберусь с вами позже, — мертвенным голосом проговорил он. — Так, несите кости. Никто не пошевелился.

— **ВЫ, чёртовы кретины, ЖИВО ПРИНЕСЛИ МНЕ КОСТИ!** — Его рёв, словно древнего чудовища, прокатился по залу.

Сразу же толпа палачей ринулась к одному из деревянных ящиков, и самый быстрый из них молнией достал оттуда коричневый мешок, а затем вывалил кости рядом с чёрной металлической пластиной.

В это время из каждого резервуара один из новоприбывших отливал кровь в отдельные колбы, а после у стола слил содержимое в очищенное водой ведро, смешал, заполнил небольшой пузырёк и отдал его Лорду Аргону.

— Вот сколько нужно крови, — он потряс пузырёк, — а не... даже говорить не хочу. Так, всем отойти, кроме магов, и чтобы ни звука, — угрожающе добавил он.

Все послушно исполнили приказ. Ощущение было странное. С одной стороны, я видел, что передо мной стоят настоящие воины-мясники, хладнокровные убийцы, подчиняющиеся лишь велению руки господина. С другой — происходил какой-то балаган, и, похоже, всё это было вызвано напрочь разрушенным планом. Но нам это играло на руку — в такой обстановке появлялся шанс на побег. Сейчас всё внимание сосредоточилось на Лорде Аргоне. Даже жуткие твари сбились в одном месте и больше не носились по залу. Но оставалась одна очень большая проблема: на ступенях, лицом к выходу, стояли шесть человек на случай, если какая-нибудь из тварей сюда заявится. Поэтому нам оставалось только выжидать. Ждать более удобного случая.

Лорд Аргон вскинул руки вверх, маги, стоящие вокруг каменного стола, одновременно и негромко зачитывали заклинания. Над столом начала появляться пульсирующая прозрачная дымка бледно-красного цвета. Постепенно она разрасталась, окутывая собравшихся, погружая их словно в пузырь, внутри которого вспыхивали удивительно красивые сполохи. Маленькие искры заполняли внутренность шара, а затем начинали собираться над обращёнными вверх ладонями Лорда.

Когда все искры собрались, мы с мальчиком ощутили мощный порыв. Он отнёсся к этому спокойно — лишь лёгкая рябь вибраций прокатилась по телу. А для меня это было сродни первому в жизни восходу солнца. Меня заворожила открывшаяся картина: я видел, как от эпицентра разливается магия по залу, видел, как её клубы заполняли пространство, проникая в каждую трещину каменного пола. Эта сила была поистине велика, и я даже не мог описать, на что она похожа, потому что в мире, откуда я пришёл, такой материи не существовало. Даже в «колыбели души» и в тёмно-оранжевом туннеле энергия была иной — первородной, чистой и прямолинейной. Здесь же магия, сотканная из того, что называли «маной», была многослойной, переплетённой, усовершенствованной до немыслимого предела. Она создавала

зацикленные круги с незнакомыми символами и знаками, вторгалась в саму работу пространства и времени. Казалось, что время замедлилось: частицы пыли, витающие в воздухе у эпицентра творящегося заклинания, застыли, будто позабыв о законах мироздания.

Волны энергии расходились всё сильнее и быстрее. Они походили на круги от брошенного в воду камня, но, вопреки всем законам, не затухали.

Аргон плавно повёл руки вниз, направляя сгусток энергии на чёрную металлическую пластину в центре стола, которая из-за скопившихся на ней костей больше походила на алтарь. Пластина принялась впитывать эту силу, становясь подобием чёрной дыры — поток закручивался спиралью. Но через несколько мгновений по пластине прошла волна ряби. Главарь армии палачей столкнулся с трудностями: его руки задрожали, а маги, казалось, начали путаться в словах заклинаний. Было видно, что даже при такой невероятной мощи ритуал даётся с огромным трудом. На поверхности чёрного металла ощущалось сопротивление — словно в нём пробудился внутренний механизм защиты, отторгающий чужеродную магию.

— Сопротивление растёт, дайте больше маны! — закричал Аргон, и поток, исходящий из его рук, усилился. Но нечто подобное я уже видел, когда передавал мальчику свою энергию: чем больше сила, тем сложнее её контролировать.

Лорд напрягся всем телом, рябь силы превратилась в хаотичную пляску. «Что же они хотят сделать?» — с непонятно откуда взявшимся диким интересом подумал я.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. На мгновение будто наступило солнечное затмение. Все одновременно подняли головы и увидели, что отверстие в куполе что-то перекрывает. Даже глаза мальчика не могли разглядеть, что именно, но правда не заставила себя долго ждать. Мощный глухой удар сотряс стены древнего здания, вниз посыпались небольшие камни.

Внезапно Ланос взревел:

— Матка кайранов! Всем приготовиться! Господин, прошу, прервите заклинание, нужно бежать!

Все обнажили оружие, командиры отрядов принялись резко раздавать приказы. Мгновенно обученные воины выстроили живой коридор от алтаря до главного выхода. Воины с самым большим количеством нашивок на одежде образовали полукруг вокруг Лорда Аргона. Было видно, как им тяжело приходилось выстаивать под мощью творимого заклинания.

В этот миг раздался ещё один удар, гораздо сильнее первого. Потолок начал покрываться трещинами, и сверху посыпались булыжники, некоторые из которых насмерть давили невнимательных палачей. Брызги крови разлетелись на десятки метров.

— Ланос, минуту! Дай мне минуту! Я не могу остановить сейчас заклинание, — паническим голосом закричал Лорд Аргон.

И в ту же секунду, как он замолк, на стол рухнул булыжник размером с телёнка. Нестерпимая яркая вспышка озарила зал. Взрыв энергии был такой силы, что маги отлетели, врезавшись в стены, а самого Аргона швырнуло за порог главного выхода. И тут же третий удар начал полностью обрушивать потолок.

Мальчик пулей выскочил из-под тел и укрылся от падающих глыб в коридоре клетки. Все, словно морская волна, устремились к главному выходу, но очень многим не повезло — через считанные секунды чуть меньше половины мучителей было погребено под завалами. Карма настигла их.

Поднялся большой столп пыли. Мальчик интенсивно тер глаза и сплёвывал попавшие частички, но вдруг сквозь грохот и шум прорвался крик неизвестного голоса:

— Sanirum!

И через секунду вся пыль разом осела на пол, будто придавленная невидимой силой. Главный зал превратился в каменный хаос — курумник. Но самое страшное ждало впереди: главный выход почти полностью завалило, оставив лишь тёмную щель под самым сводом.

Когда мальчик поднял голову и взглянул на пролом в куполе, волосы у него на голове зашевелились. На фоне голубого неба, застыв и глядя вниз, возвышалась матка кайранов. Огромная, размером с дракона из фильмов, она была живым кошмаром — чудовищем, которое не должно существовать.

Колоссальная тварь. Её тело напоминало искажённую версию древнего хищного ящера — массивное, мускулистое туловище покрывала отвратительная шкура, будто сшитая из лоскутов болезненно-зелёного и трупно-белого цвета. По всему телу расплзались красно-коричневые пятна — не естественная окраска, а следы постоянного воспаления, открытых язв, участков, где мышцы и кровь проступали наружу. Кожу покрывали твёрдые чешуйчатые пластины, между которыми сочилась густая слизь.

Вдоль хребта — от черепа до кончика хвоста — тянулся ряд массивных шипов, достигающих полуметра в длину. Они росли хаотично, изогнутые назад, словно гигантские клыки, некоторые были сдвоены или обломаны.

Голова была клиновидной, с вытянутой мордой и мощными челюстями. Пасть, способная раскрыться почти на сто восемьдесят градусов, даже в закрытом состоянии демонстрировала ряды кривых зубов — передние кинжально торчали наружу.

Глаза — маленькие, глубоко посаженные, мутно-жёлтые, с вертикальными зрачками. Передние лапы были короткими, с массивными, изогнутыми когтями. Задние конечности — длинные, мускулистые.

Толстый хвост служил балансиром и оружием — на его конце несколько длинных шипов образовывали подобие шипастой булавы.

Брюхо Матки было особенно отвратительным — вздутое, растянутое, грязно-белое, с сетью красных вен, проступающих сквозь истончённую кожу. Внутри созревали яйца, и порой сквозь оболочку можно было различить шевеление нерождённого потомства. Отверстия на брюхе постоянно сочились, и вязкая, тягучая слизь срывалась вниз тяжёлыми каплями.

Матка издавала целую гамму ужасающих звуков: глубокий рёв, от которого дрожала земля; змеиное шипение с брызгами слюны; костяное щёлканье челюстей; низкое урчание из глубины грудной клетки. А запах... Даже с такого огромного расстояния он перебивал все зловония этого проклятого места. Смесь гниющего мяса, застоявшейся крови и чего-то сладковато-тошнотворного распространялась на десятки метров. И главным его источником была именно эта слизь: каждая капля, достигая камней внизу, источала такую невыносимую, удушливую вонь, что, казалось, сам воздух вокруг начинал гнить.

Сейчас она начинала спускаться — спускаться по отвесной стене, вонзая когти в камень, будто это древесная кора. А за ней вниз устремились с десятков таких же мерзких ящериц — очевидно, её потомство. Каждая была втрое меньше Матки, но всё равно размером с лошадь.

«Сейчас! Бежим!» — подумал я одновременно с мальчиком. Он рванул с места, понимая: если не успеем протиснуться в щель, нас ждёт только конец. Воины, оставшиеся в живых, совсем не обратили внимания на паренька, бежавшего с неестественной, почти звериной быстротой. Все взгляды сейчас были прикованы кверху.

— Собрались! — прозвучал где-то метрах в ста голос Ланоса. Мимолётно взглянув на него, мы увидели, что ему пришлось несладко. Левая рука повисла — видимо, камень раздробил плечо. С головы стекала кровь, заливая глаза. — Все живые ко мне! Команда «Черепаша»! Идём к выходу!

Оставшиеся в живых воины отчаянно рванулись к нему. Сейчас они видели в своём командире единственную надежду на спасение. Возможно, они даже не догадывались, что их путь оборвётся здесь, под этими сводами, что их разорвут когти и зубы чудовищ. Но даже зверь был милосерднее их. Это они — настоящие монстры, и воздаяние за грехи настигло их.

Мальчик же словно парил. Его бег был стремительным, а тело в этот момент казалось невесомым. Даже сейчас я не мог не восхититься этим. Он с лёгкостью перепрыгивал каменные

завалы, едва касаясь их. Теперь стала понятна одна из причин долгого ожидания: обладая такой скоростью, нужно было лишь выбрать удачный момент — и тогда всё получится.

Заваленный проход стремительно приближался. Вот он уже карабкался вверх по камням к спасительной щели, вот уже вошёл в неё, но на несколько секунд замер и обернулся, бросая взгляд в зал.

Там уже спустившиеся звери с лёгкостью разбили защитную «черепашку» и рвали плоть палачей. Матка с бешеной скоростью устремилась прямо на Лорда Аргона. Он вскинул руку, и в морду чудовища полетели огненные стрелы, но они отскакивали, словно горох от стены. Матка схватила его поперёк тела бесчисленными клыками, встряхнула, как собака тряпку, и через мгновение оторванная половина полетела в сторону. Свою часть она проглотила, почти не жуя.

Да, всего на несколько секунд удалось ощутить сладкое чувство расплаты, что постигла мучителей. Поток эйфории разлился по телу. Но сейчас было не время смаковать это чувство.

«Малой, надо бежать», — крикнул я, и мальчик пролез сквозь щель, больно упав на ступени, ведущие к свободе.

Поднявшись, он устремился вверх по коридору, освещённому странными маленькими камнями в стенах. Они давали тусклый свет, но его с лихвой хватало, чтобы не оступиться. Только сейчас я понял, какой долгий нам предстоит подъём. Было ощущение, что всё строение полностью погружено в землю, а купол лишь немного выступает над поверхностью, не выдавая своей монументальности.

Мальчик уставал очень быстро. Его измученное, истерзанное тело не выдерживало такой нагрузки и держалось лишь на последних крохах силы. И тут внезапно на нашем пути возник он — Лорд Аргон собственной персоной. Он стоял, сгорбившись и тяжело привалившись к стене, зажимая правой рукой рану в боку.

«Проскочим! Раненый, он нас не догонит!» — только и успел подумать я. Но Лорд резко обернулся, очевидно, ожидая своих людей. Увидев вместо них мальчика, он на мгновение застыл. Его лицо было сплошным месивом: правый глаз выбит, вокруг глазницы торчали острые осколки костей, ухо свисало на тонком лоскуте кожи, щека пробита насквозь. А затем, словно дикий зверь, он рванулся к нам. Это было настолько быстро и неожиданно, что он сумел мёртвой хваткой вцепиться в мальчика, и мы вместе кубарем полетели вниз по ступеням.

Мы пролетели около десяти метров, и после очередного удара нас отбросило друг от друга. Левую руку пронзила острая боль в предплечье — так, что ей почти невозможно было пошевелить. По виску текла кровь, заливая глаз. Кое-как приподнявшись, я увидел, как Аргон, словно настоящий демон из преисподней, снова прыгнул на нас, подминая под себя. Его правая рука мёртвой хваткой сомкнулась на горле мальчика, а левая придавила единственную здоровую руку. Дыхание перекрыло, перед глазами поплыли тёмные круги. Мальчик отчаянно пытался скинуть его с себя, но что он мог противопоставить такому чудовищу? Вибрация костей достигла пика, помогая пока держаться, удерживая напор этого монстра, но сознание уже начинало меркнуть.

«НЕТ!» — закричал я, судорожно ища способ помочь, и заметил чёрный кинжал, торчащий из живота Лорда. «Сейчас или никогда», — подумал я и отдал последние силы, чтобы перехватить контроль над раненой рукой. Этого едва хватило, чтобы ухватить тёмную рукоять. Рывок — и клинок вышел из плоти. А затем я вонзил его прямо в незащищённое горло, под челюсть.

Не останавливаясь, вырвал лезвие и полоснул по артерии. Нас залило горячей кровью, она попала в глаза, в рот. Лорд отпрянул, зажимая рану руками, но мы уже знали — для него всё кончено. Из артерии бил тугий алый фонтан, пульсируя и орошая каменные ступени.

И тут, в последнем, агонизирующем порыве, он выхватил короткий кинжал и бросился на нас, желая утащить за собой в могилу. Будь у мальчика хоть немного больше сил после удушья,

он бы легко увернулся от этой медленной, неловкой атаки. Но тело не слушалось. Короткое лезвие полоснуло по левой руке, оставляя глубокий разрез. А затем Лорд рухн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.